

18+

БАВИЛОН КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ

СПАСТИ ВНУТРЕННЮЮ ЯПОНИЮ

Человек способен на всё. Есть только одно препятствие – время.

НИКТО НЕ ПРОИГРАЛ

Кирилл Вавилон

Спасти внутреннюю Японию

«Издательские решения»

Вавилон К. С.

Спасти внутреннюю Японию / К. С. Вавилон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560904-5

Если вы не прочитаете книгу, то я ничего с этого не потеряю. Потеряете вы для самих себя. О чем эта книга? О жизни. Япония это созданное мною понятие. Это новое семантическое значение, в которое входят такие вещи как: честь, воля, сила,африканское итуту — сила вождя и пр. Я покажу вам, как можно эту Японию спасти внутри маленького человека, чтобы перестать быть маленьким человеком. Если вы хотите найти что-то принципиально новое, то это для вас. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-560904-5

© Вавилон К. С.
© Издательские решения

Содержание

№1. «Стрекоза и Муравей»	7
№2. «Насекомое»	9
№3. «Энтропия растёт»	13
№4 «В моём поле зрения появляется новый объект»	17
№5 «Всё это с тобой»	21
№6 «Забота у нас такая»	25
№7 «Летел и Таял»	30
№8 «Кто еще кроме тебя»	32
№9 «Всё идёт по плану»	35
№10 «Лежу я, голый как сокол»	38
№11 «Никого не жалко»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Спасти внутреннюю Японию

Кирилл Сергеевич Вавилон

© Кирилл Сергеевич Вавилон, 2022

ISBN 978-5-0056-0904-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасти внутреннюю Японию

*«Я знаю, что идя по нужному пути,
Здесь на земле, не расставаясь с телом,
Не мы, так кто-нибудь ведь должен же дойти
Воистину к Божественным пределам». С. Есенин*

Воистину к божественным пределам. Что вообще это за пределы? Есть ли они у человека? Я считаю, что человек способен на всё. Есть только одно препятствие – это время. Только оно играет роль, всё остальное – второстепенность. Человек поистине величественное существо. Сейчас мы начинаем покорять Марс. Дайте нам сто тысяч лет и мы покорим всю галактику. Дайте миллион и целая Вселенная будет у наших ног, если мы не перебьём друг друга.

Ни для кого не секрет, что многие люди, будучи никем, только с помощью своего ума и упорства добивались великих высот.

Толстой писал о том, каким бы он был прекрасным человеком, если б не его лень. Но ведь лень – это далеко не самая большая проблема. Самая большая – это не осознавать своих возможностей. По своей простоте и наивности мир пред нами предстоит вовсе не тем, чем он является на самом деле. Тяжелый быт своими щупальцами закручивает нас в воронку нескончаемых проблем и событий. И получается, что человек бежит-бежит и только к концу понимает, что никуда он, по сути, не добежал.

*«Боже, сколько лет я иду, но не сделал и шаг. Сколько лет я ищу то, что вечно со мной»
Ю.Ю Шевчук.*

К сожалению, в лексиконе русского языка нет слова, которое могло бы описать то внутреннее чувство, которое хоть иногда, но заставляет нас перелазить через баррикады, ломать препятствия, подниматься, несмотря ни на что. Это не мотивационная книга, это не «шесть правил изменить свою жизнь». Это пример того, что находится в каждом из вас. Та сила, которую один находит и пользуется, а другой всю жизнь в дерьме. Эта сила называется не душой, не совестью, не разумом. Это словно вся человеческая сущность, это естество. Есть что-то похожее у Африканцев, они называют это «Итуту», но уже после своей концепции, я столкнулся с чем-то похожим, но всё же, не с этим. Я назвал её Японией. Это совершенно никак не относится к стране Япония. Это чувство можно назвать любым другим словом, в данном контексте каждый выбирает своё значение. Возможно, Япония живёт в вас, а, возможно, вы знать не знаете и вообще оно вам не надо. В магазине пельмени по акции, а завтра выходит на смену в восемь часов утра, какая тут, на хрен, Япония?

Спасти внутреннюю Японию. Не дать стержню внутри погнуться или, не дай бог, сломаться. Япония, которая заставляет одних изменять мир для остальной массы, которая знать не знает о своей Японии. Теперь вы знаете, о чем я говорю, но знать – этого мало. Нужно осознавать это и, я надеюсь, после прочтения книги вы это будете осознавать или

*пойдете за пельменями по акции, разбазаривая свою Японию. Растирая её в пыль под гнетом
обыденности.*

Всем Японию!

№1. «Стрекоза и Муравей»

Мне иногда страшно ходить по улицам. Страшно от большого количества людей, хотя живу я совсем в маленьком городке. Подумайте, каждый человек имеет такие большие требования. Причем требования ко всему. Ему нужна работа хорошая и зарплата такая же, и жена отличная, и дети здоровые. А еще он хочет, чтобы у него всё всегда получалось. Но он ничего не отдаёт взамен, а только требует и требует. Общество состоит сплошь из паразитов, которые не думают, а требуют. И каждого нужно как-то содержать, каждый должен как-то кормиться, а «хотелка» с каждой кормёжкой всё выше и выше.

Это было вступление. Такое смелое и дерзкое вступление. Я вам расскажу историю про мальчика, Мишу Агарьева. Но он еще не родился, пока что есть только его родители.

Агарьев Виктор Валентинович, папа Миши, а также ребёнок инженеров. Его мама была великим человеком, наверное, она являлась самым великим инженером женского пола. Её муж был тоже не промах, но это уже стало позже, а когда они встречались, мама Виктора Валентиновича желала сделать выбор: или стать великим ученым, но не стать любимой женой, или же выбрать семью, но отказаться от карьеры. Банально, но в жизни иначе никак. К тому же, мужчины не любят, когда женщины лучше и успешнее их самих. Сам Виктор был обычным мальчиком, думал о великих людях, читал интересные книжки, нашёл, наверное, любимую женщину, водил грузовик. Он плотного телосложения, с выпуклым, большим лбом, с горбинкой на носу и ямочкой на подбородке. Витя любил выпить и поспать. Человек он не злой, но грубый и консервативный. Любил тишину, чистоту и порядок. И с недоверием относился к каждому, кто не соглашался с его мнением.

У Миши, как и у многих мальчиков, была и мама. Аникеенко Анжела Павловна. Анжела была красивой девочкой, в детстве любила слушать песни своей мамы и кататься на шее своего папы. Когда подросла, слушала классику, любила розы, шила на досуге. Сносно закончила школу, поступила на театральный и провалилась. Встретившись с жизнью лицом к лицу, она не смогла ей грамотно противостоять. И сделала, по мнению многих, правильный выбор, оставила свои амбиции и выучилась на учительницу младших классов. Она красивая женщина, у неё русые, кудрявые волосы. Её щеки всегда горят, а когда она волнуется, то постоянно прикусывает нижнюю губу. Её характер покладистый, но в то же время напористый. Она знала, когда можно сбавить обороты, а когда наоборот. Поэтому она хорошая жена, но не совсем счастливый человек. У Анжелы были слишком высокие запросы, её мама всегда вкладывала в неё всё самое лучшее. Много работай, много учись, много читай. Но где-то Анжеле не хватило напора, где-то она недотянула.

Агарьевы звёзд с неба не хватало, но зато четко знали, чего хотят. И это хотение называется ребёнком. Вообще, если говорить на тему детей, это очень спорный вопрос. Многие считают, что с детьми живётся сложнее, а без них смысла нет. Вот прям как с любовью. Другие же считают, что дети это лучшее, что может быть. Что дети – это вот прям действительно цветы жизни. А есть и такие, кто совершенно не хотят детей и всецело чужаются этого. Я же считаю, что детей категорически нельзя заводить по «залёту». Ведь это важнейший вопрос, буквально одно из самых важных решений, который принимает человек. И когда у тебя ни кола, ни двора, ни крепкой семьи с багажом прожитого за спиной, на кой хер тебе дети? Порождать нищету и затягивать петлю на шею? Безусловно, человек обречен любить. Но любовью ли ты будешь сыт, когда государство тебя игнорирует, а обществу глубоко по боку на твои проблемы? И все те, кто кричали про зайку и лужайку внезапно испарились. И ты остался один на один со своими проблемами. Возвращаясь к нашей семье. В Агарьевых сплелись все три типа. Но всё же они хотели ребёнка, просто у них этот ребёнок никак не получался. Они, как

многие люди, не шибко весёлые и не очень счастливые. Люди среднего класса, если не сказать низкого. Но неудача с ребёнком их всё же пошатнула. Да так, что они оба впали в депрессию, перестали общаться, а только лишь ссориться и фыркать друг на друга по утрам.

Не совсем разобрался, что там в голове у мужа семейства, но Анжела всячески страдала от отсутствия детей. Днём и ночью, она просыпалась с этой мыслью и засыпала. Она стала навязчивой, ей везде мерещились довольные мамочки с детками под ручку. А она вся такая несчастная, обездоленная и сломленная. Всё дошло до того, что они пошли на обследование к врачу. Тот не выявил никаких проблем и это еще сильнее ударило по их самолюбию. Виктор стал больше пить, а Анжела чаще задерживалась на работе, чтобы не видеть его пьяное тело. Те чернеющие мысли разрезали её насквозь. Жизнь казалась скучной, посредственной. Без цели, без смысла, вовсе ненужной. Она ходила на работу, учила чужих детей и даже не могла поплакать, обдумать это как-то. Школа, дети, уроки, проверка тетрадей, педсовет и прочая дребедень, всё казалось в жизни посредственной мишурой. А у неё, как она считала, самая главная цель в жизни. Рождение ребёнка, создание новой жизни, разбивалось об краеугольный камень, на котором и закручивалось всё наше существование. А тут еще к депрессивным мыслям об отсутствии своих детей, добавились проблемы с мужем. Он запил, не справился, надломался. И она каждый день видела его пьяную рожу. Анжела ненавидела его даже не за то, что он пьёт. Пусть пьёт, его дело. Она его ненавидела за слабость. За то, что она держится, даже не позволяет себе плакать. Она работает, трудится, думает о других. А он ни о ком не думает, муж просто пьёт. Приходит с работы уже пьяный, встаёт еле-еле с похмелья, чтобы поработать и напиться. Опять. Снова. Его перегар и то скорченное лицо, когда они занимались сексом, вызывало в ней самые отвратительные эмоции. Однако, недолго эта проблема разрушала их семью. Всё-таки Анжела забеременела и Виктор аж ёкнул от радости. Но недолго они радовались, ведь случилось новое горе.

№2. «Насекомое»

Наверное, отчетливо я что-то начинал помнить и понимать примерно в четыре года. Я понимал, что я не такой, как другие дети. Не таким можно быть в двух случаях: или ты лучше других или хуже. Я был хуже других и поэтому не такой, как все. Мама родила меня инвалидом и я не мог ходить. Первые два года были ужасными для моей матери. В этот раз отец как-то по-мужски принял эту ношу в отличие от неё. Поначалу мама очень плакала, естественно, отношения с мужем стали еще хуже. Они практически перестали разговаривать. Ей приходилось, помимо вечной апатии и безразличия ко всему, каждый день крутиться вокруг ребёнка-инвалида. Которого она, скажем прямо, уже совсем не хотела. Чего лукавить, вы посмотрите на этих женщин с больными детьми. Ведь сердце кровью обливается. Эти женщины, я думаю, в глубине, а может с годами и не совсем в глубине души, жалеют об этом выборе. Смотрят на своё больное дитя, думают, каждый день сомневаются и плачут от горьких мыслей: «А что же будет с моим ребёнком, когда его не станет и кто ему поможет?» Самое смешное и в то же время очень обидное, когда у мамы спрашивали мало знакомые люди: «А ваш мальчик уже ходит?» На что ей приходилось отвечать: «Пока нет». Но в душе она всегда отвечала так: «Он никогда не сможет ходить». У меня были какие-то проблемы с позвоночником. Что-то с неправильным положением дисков. Врач назвал стоимость операции, но это неподъёмная сумма. И ведь редко слышишь, когда врачи в таком возрасте разводят руками. Они всегда тебе говорят, что надежда есть. Ты это слышишь, ты пытаешься себя в этом убедить. Что ты всё еще можешь дать ребёнку шанс на достойную жизнь. Но так же, часть тебя говорит, что нет, не обманывай себя и других. И этот дуализм в душе, где ты с одной стороны убеждаешь себя, что как бы можешь. А с другой, понимаешь, что нет и никогда уже не будет прежде, полностью разрывает тебя изнутри. Отец не мог долго смотреть на меня. В его глазах я видел жалость. Иногда он отводил взгляд и глаза, сквозь силу и выдержку, доверху наполнялись слезами и медленно скатывались по немного морщинистой коже. Особенно когда обыденные вещи для многих детей, мне были не под силу.

В семье всегда царила атмосфера тотальной угнетённости. С рук всё валилось, все ходили вялые и грустные. Несмотря на это, я могу благодарить свою бабушку, Ларису Петровну. Она была очень весёлой, заводной женщиной. Она имела низкий рост и немного лишнего веса, однако это не мешало ей быстро передвигаться, быстро говорить и много улыбаться. Бабушка меня подбадривала и наставляла. Она мне говорила, что человек способен на всё. Человек может сделать всё, что пожелает. Главная валюта в жизни – это время. Человек может научиться: плавать, управлять самолётом, играть на любом инструменте. Это займёт десять-пятнадцать-двадцать лет, но он всё равно сможет, всё упирается только во время. Время и желание. Я понимал, что желание у меня есть и время тоже, а с этим можно свернуть горы, но горы пока свернуть не получалось.

Я передвигался в инвалидной коляске. Она была такая маленькая, впору под моё тельце. Ходил я под себя, в памперсы, потому что совсем не мог подняться. Маме пришлось уволиться со школы и она нянчила меня каждый день и каждый час. Нянчила и плакала. Я чувствовал себя немощным и бесполезным. Я любил смотреть в окно, как дети играют в мяч или просто нежиться под солнечными лучами. Смотрел на них и задавался всего одним вопросом: «За что?» Я не понимал, чем заслужил такую участь в жизни. Есть ли бог, ад или рай – меня не волновало. Меня волновала только моя жизнь, которая почему-то была разбита. То есть её даже не было, мне не дали даже шанс пожить. Ладно, если бы я родился здоровым, но потом попал по глупости в какую-нибудь аварию или с крыши бы выпрыгнул, но я ни откуда не прыгал. Я даже ни разу не стоял на ногах. Люди ходят каждый день на своих чертовых ногах и не представляют, какая это радость, просто ходить. Даже не могу себе представить, что такое

танцевать. Разве может человек вот так вот встать и начать двигаться в такт музыке? – Но ты тоже можешь двигаться, – это Вы мне скажете. Но я Вам ничего не отвечу, а только заплачу, потому что я конечно крутить тазом как-то могу, но у меня нет повода радоваться и танцевать.

Бывает, я становлюсь очень злым, когда вижу, как по телевизору люди ругаются. Бывает, кричат друг на друга, а бывает, даже бьют. Но как – я всегда удивлялся – как вы можете так себя вести, если вы умеете ходить? Зачем кричать? Ходите. Ходите по земле, бегайте. Пойдите в магазин, пойдите в туалет. Вы можете пойти в туалет. Я хожу под себя, мой памперс намокает от мочи и всё щиплет. Если мама вовремя не поменяет мне памперс, то у меня там внизу всё покрывается мелкими прыщиками. Но я никогда не прошу её сменить, потому что очень стыжусь этого. Запах дерьма она чувствует, но запах мочи тогда, когда она проливается на коляску... Мама поначалу ругала меня за это, но потом, наверное, поняла. Поняла, почему её сын так себя ведёт. Раз уж я делюсь такими подробностями, то расскажу немного о себе. Я был очень щуплым мальчиком, который мечтал стать художником, и где-то в глубине души, сам пряча от себя эти стыдливые мысли. Я мечтал танцевать. Даже не великим, пусть великими танцорами становятся другие. Просто танцевать, жить ради каких-то интересных вещей. Я верил в свой талант художника. Хоть у меня особо ничего не получалось, я почему-то думал, что если начну ходить, то начну и рисовать. Вырисовывать великие картины. Ни один художник не сравнится со мной, я смогу творить в разных стилях. Люди будут съезжаться со всего мира, чтобы посмотреть на такого самородка. Буду давать интервью, как когда-то не умел ходить, но потом научился и вместе с этим смог рисовать великие картины. Я любил наслаждаться птицами и закатом, и меня не волновало ничего, кроме моей мечты и природы за окном. Я любил своих родителей и понимал, как им тяжело, но я не любил с ними разговаривать. Мне казалось, что я не имею права с ними говорить. Что я паразит, который разрушает их жизнь и от того должен сделать хотя бы одну милость – помолчать.

Но не всегда я сидел в квартире и смотрел на улицу. Бабушка с дедушкой, по папиной линии, жили в селе. Родители меня часто возили туда, дедушка Коля водил меня по окрестностям и мы всегда разговаривали о животных и про оружие. Он был прекрасным стрелком и отличным рассказчиком. Мой дед был на войне и у него есть страшные шрамы на спине, из-за войны он тоже не мог ходить. Тогда его определили в какой-то центр и постепенно они заново учились ходить. Причем их учили не именно ходить, а заставить себя пойти. Всё заключалось в человеческой психологии. Якобы ты не можешь не идти. Ты просто не можешь захотеть пойти, какая-то штука с самовнушением. Сомневаюсь, что такое может сработать. Похоже на какой-то бред. Скорее всего постоянные тренировки и наблюдение военных медиков дали ему возможность вновь стать на ноги. А эти сказки про самовнушение рассказали мне родители, чтобы я не горевал. Это постоянная практика всех родителей, придумывать для детей какой-то несуществующий мир. Погружать их в сказку, чтобы потом, когда мы все подрастали, нам становилось ужасно сложно. Когда разбивается наш иллюзорный мир, которые они же и построили, о жесткий столб стабильной обыденности жизни. С вечными проблемами, где неходячие ноги не такой уж и минус при условии, что у тебя хотя бы есть крыша над головой, еда под рукой и тебе не нужно за это мельчайшее чинишко надрывать себе... В общем мой дедушка, Николай Иванович, был не так уж и стар. Несмотря на возраст, он выглядел всего лишь чуть старше моего отца. Одевался вполне неплохо, курил трубку и любил охоту. Но у него был один минус – это ярость. Он был самым сильным человеком в моей жизни и все проблемы преодолевал через ярость. И эту ярость все чувствовали. Я был с ним однажды в магазине, мы всегда с ним ездим в магазин. У него старенький автомобиль, который он любит почти как бабушку. Его подковырнула продавщица и другие начали смеяться. Дед очень разозлился, но вместо кровавой бойни в магазине он глянул на эту продавщицу так мощно, что она проглот-

нула слюну, извинилась и ушла прочь. Но я был свидетелем, как однажды дедушка накинулся на мужика, когда он оскорбил меня, назвал меня жалким. Просто потому что я не смог удержать мороженное и заляпал им пол в магазине. Николай Иванович пошёл на него с кулаками. Он ударил его крайне сильно в лицо. Он явно не ожидал такое от старика и сразу рухнул на пол. Еще пару ударов кулаком и челюсть посыпалась, как песочный замок, как его самомнение, вместе с самооценкой и планами на счастливую жизнь с рабочей челюстью. Когда жертва упала на землю и грела щекой бетон, дедушка вдавливал его ногой в землю. Сразу он бил быстро и четко, ноги попадали то по носу, то по лбу. То по затылку, когда он ежился на асфальте и руками, в агонии, цеплялся за черную жижу, которой являлась его кровь. Я думаю, он испытывал настоящий ужас, страх, беспомощность и отчаяние. А еще я думаю, что мой дедушка давно этого ждал. Я видел, как менялось его поведение, когда мы заходили в скопление других людей. Он так всматривался в других, как будто искал повода и желал что-то такое сделать. Самое интересное, что ему никто не мешал. Никто не кричал, никто не пытался его остановить. И главное, никто не пытался помочь его жертве. В конце, когда он добивал, я увидел его молодым. Клянусь, он так расцвел, буквально помолодел на пару десятков лет на несколько минут. Он светился от радости, а его белые кеды, на пару с кулаками, заливались кровью. Он хотел этого, а тут еще такой сладкий повод. Обидели любимого внука, к тому же инвалида. Это был праздник для него. Но для меня вовсе нет, очень жуткая картина. Конечно сейчас я бы бил его, и бил сильнее. Но тогда меня поразило и расстроило такое поведение. Больше я этого мужчину не видел, хотя до этого случая он часто тёрся в наших местах. А мой дед, уже на обратном пути, молчал. Но это было не тяжелое молчание после каких-то неприятных эмоций, которые бы ты хотел забыть. Нет. Это было молчание после облегчения. Когда ты выиграл и получил желаемую награду. И теперь ты исцелен, ты словно вышел из священных вод Иордана.

Я не мог ходить в школу и мама меня сама обучала. Помимо того, что выносила из-под меня дерьмо, она еще пыталась вложить в меня знания, но я не хотел учиться. Я хотел гулять с детьми на улице. Кстати, помимо нерабочих ног, у меня плохо работала левая рука. Рука – это первое лучшее событие в нашей семье. Это был глоток свежего воздуха, мы все внезапно поверили, что всё может измениться. Всё началось с того, что бабушка подарила мне тугую резиновую штуку. Она называется «эспандер». Я не мог его сжать не то что левой, а даже двумя руками. Это была невероятно тугая штука, которая меня бесила. В первый день я выкинул её за батарею и попытался забыть, но забыть не удалось. Бабушка пригрозила мне всеми смертными грехами, но и это не сработало. Тогда она нашла новый путь. Бабушка вдохновляла меня великими людьми. Лариса Петровна где-то нашла журналы с жизненными историями знаменитых личностей и показывала какие были проблемы и как они их решали. Меня очень удивила одна история. В США, в XIX или XVIII веке хотели возвести мост, но никто не мог этого сделать. Это был первый мост, который нужно было построить. Первым за это дело взялся архитектор – новичок, но он был в этом деле так хорош, что его сразу утвердили на строительство. Впрочем, произошло большое несчастье на производстве архитектора парализовало. Но он не отчаялся. Этот человек научил свою жену азбуке Морзе и постукивал ей по пальцу, а она давала указания рабочим. Таким образом они вместе построили мост, который стоит по сей день. Это поразило меня до глубины души и я начал верить в себя. Мой главный аргумент был следующим: «*Чем я хуже других?*» Я брал этот эспандер и сжимал его со всей силы, но у меня ничего не получалось. Так продолжались долгие дни, потом неделя, потом еще. Через два месяца я смог сжать на несколько миллиметров своей нерабочей рукой проклятый эспандер. Он поддался мне и я рассказал об этом маме. Она отреагировала на это ухмылкой. В её ухмылке я прочитал: «Ты всё равно ноль, что так, что эдак». Это еще больше подбадривало меня. Я сжимал его день и ночь. Когда мы учили с мамой уроки, когда она смотрела фильм, когда я стоял у окна. Каждый день, каждую секунду я пытался его сжать. Я сжимал, сжимал,

сжимал, сжимал, сжимал, сжимал... Сжимал... через три месяца я сдавил его пополам. Моя рука стала рабочей, я смог держать в руке вилку, сжимать в руке книгу. Мама с папой плакали от счастья. Я увидел, как мой отец на фоне этого расцвёл. Папа рассказывал это всем своим друзьям, коллегам, незнакомым людям в магазине, соседям на улице.

– А ты знал, что мой сын... Да —да, сам, представляешь. Ручка его вообще не фурычила, он даже кусок хлеба взять не мог, а сейчас камни ею ломает. Серьёзно, не веришь? Только что вот, при мне, домкрат держал и тиски затягивал. Главное я не смог, а он только так. Мой папа тот еще сказочник, но это вдохновило меня. Это даже лучше, чем рабочая левая рука. Это искренняя гордость за сына. То, чего так мне не хватало всё это время.

После этого случая папа начал проявлять ко мне интерес. Возможно он наконец-то увидел сына, а не убогого калеку? Мы с ним проводили вечера, папа стал меньше пить и чаще навещался ко мне в комнату. Перед сном отец начал мне читать. Более того, случай с эспандером его так же вдохновил на новые свершения. Он нашёл какого-то врача по знакомству, он иногда говорил и они о чем-то шептались за дверью. Отец притащил какую-то балку, прикрутил её к потолку, привязал ручки и тренировал мои ручки. Мне приходилось руками поднимать своё тело, через полгода он принёс мне гантели для веса. Через год я окреп и уже мог на руках проползти по всей квартире. После рук мы занялись ногами. Вновь приходил врач и отец с каждым приходом всё тускнел и тускнел на моих глазах. Меня это расстраивало, тогда я всё понимал. Ему говорили, что ходить он никогда не сможет. Я даже учился стоять на руках, учился поднимать грузы всё тяжелее и тяжелее. Позже на фирме у отца появился новый хозяин, который стал хвалить его за упорство. Мы с отцом часто беседовали, и я рассказывал, как хотел бы стать художником, как хотел бы увидеть мир. На фоне этого он стал упорнее работать, быть может, хотел что-то для меня сделать? Возможно, я вселял в него уверенность? Не знаю, но новый хозяин фирмы давал отцу денежные заказы и мы стали лучше жить. Папа купил два новых тренажёра, на которых я учился шевелить тазом. Где-то частично я чувствовал положительные изменения. Еще через полгода мы поехали к врачу в столицу и тот дал нам надежду. Врач сказал, что у меня действительно имеются улучшения, но всё равно нужно работать. Написал комплекс упражнений и таблетки. Всё это время мама так же мыла меня и меняла памперсы.

Мне было десять и я чувствовал первые половые признаки. Уже не совсем ребёнок, но и не подросток, что-то между этим. И меня подмывает мама и я хожу под себя. Это уничтожало меня и я придумал, как от этого избавиться. Мои руки окрепли, таз и корпус хорошо двигались. Миша молодец, Миша придумал новые памперсы, которые состояли из лямок и куска кожи. На кожу привязывал мешочек и плотно набивал его тряпками. Я подсовывал мешочек себе под задницу и завязывал его вокруг таза. Позже попросил дедушку соорудить мне ванночку, в которой я мог бы подмываться. Таким образом я стал более-менее самостоятельным. На досуге я читал книги о кулинарии и научился сам себе готовить. На самом деле можно и без книжек научиться делать омлет, варить макароны, жарить картошку и сосиски. Но я подходил ко всему основательно, тем более, что хотел бы баловать себя изысками кулинарии. Мой дед меня учил, что человек всё должен делать с максимальным результатом. Если ты идёшь служить, то должен дослужиться до генерала. Если ты работаешь врачом, то обязательно кандидат наук. Иначе зачем это всё? Своими действиями я наконец-то добился, чтобы мама ушла обратно на работу. Я видел, как она чахла дома с сыном-инвалидом. Со временем еще больше приспособился и вместо самодельных памперсов придумал подставку под туалет и научился забираться на неё с помощью рук. Стало быть, я полностью избавился от всего, что меня угнетало. От всего, кроме нерабочих ног.

№3. «Энтропия растёт»

Каждый день моей жизни находился на грани борьбы. Я боролся со своей скукой и плохими мыслями. Казалось бы, я должен был свыкнуться с инвалидностью, но никак не хотел принимать этот факт. Я был убежден, что человек не сырая, сморщенная картофелька. Не побитая собака, выброшенная на обочину жизни. Не смятый кусок лакмусовой бумажки. Моя бабушка была довольно таки начитанным человеком. Всё таки она работала в городской администрации. И была убеждена, что там работают все дураки, кроме неё. От части, это всё же было правдой. Она надоумила меня читать и я поглощал всё. Энциклопедии, художественную литературу, научно-популярную. Я читал и думал: какова ничтожна жизнь других людей. Каждый день, по утрам собираться на работу. Восемь, а то и двенадцать часов горбатиться на нелюбимой работе. Если повезёт, они займут какую-нибудь якобы вторую половинку. И она будет такая же узколобая. А если еще больше повезёт в жизни, то будет какой-нибудь отпрыск, такой же тупой и несчастный. Но тупой не потому, что они плохие люди, нет. Они просто тупые. Они не знают, как правильно жить, не умеют и не хотят. Не умеют воспитывать ребёнка, конечно, они любят по наивности, возможно, они все очень добрые люди, но они тупые – и это их главный минус. Я думал, а тупые ли мои родители? Тупой ли папа или мама? Мир делится на тупых и умных? Вообще, что такое тупость сама по себе? Это чего-то не знать? Ну нет, наверное, это не тупость. Нужно подумать... хорошо, тупость – это чего-то не уметь делать, что не умеют все? Но всё же нет, тут не так просто. Я не могу дать определение тупости. Это не эрудиция, можно быть эрудированным, но по жизни всё равно дурак. Хотя, бывает и наоборот. Наверное, тупость – это совокупность всего. Не читать книги, не смотреть познавательные передачи. Не гнаться за новой информацией, а жить догмами. Геи – плохо, правительство – хорошо. Не лезть в политику, поддаваться пропаганде, бояться всего нового. До последнего отрицать все, что придумано последние двадцать лет. Избегать всё новое, странное, непонятное. Глупому человеку ничего не интересно, кроме своего маленького мирка, где, как он думает – живёт. Глупые люди не понимают жизнь, они её не чувствуют. Глупость – значит бедность. Бедность и глупость – значит крах и застой всему. Это плохо, это ничто. Жизнь этих людей не имеет никакой цены. Зачем так жить? Но с умным человеком всё сложнее, они разные, и не поддаются четким определением. Но всё же, они сильно отличаются от посредственной глупости. Мир принадлежит сильным. Умный будет всегда хорошо выглядеть, будет читать книжки и интересоваться проблемами общества, он будет влиять на это общество. Возможность заниматься творчеством или всячески способствовать этому. Ходить на балеты, в театры, в кино. Работать над собой. Я думаю, умный человек позаботится о зарплате, чтобы не гнить на нелюбимой работе. Он будет зарабатывать умом, путешествовать. Его дети станут достойными людьми. Я очень хочу стать умным человеком. Мыслить широко, путешествовать и каждый день учиться и узнавать что-то новое. Я хочу чувствовать жизнь и знать её, я хочу жить жизнь. А сейчас я чахну...

Я Миша из маленького города N. Что я могу? Ничего. Это ничего, такое большое и плоское, повисло над моей головой и давит, давит, давит. Бабушка вышла на пенсию. Она много лет работала в администрации. Начинала простым бухгалтером в маленькой компании. Потом нашла место лучше, потом еще и еще. Наконец она нашла самое тёплое и приличное место. Стала уважаемым человеком в обществе. Она была умной, но... она не совсем вышла, её отправили на пенсию. Страна бедная, в стране нет денег. Они думают, что новые люди наведут порядок? Я сомневаюсь. Лучшее враг хорошего. Создать рабочие места? Инновации? Реструктуризация? Привлечение инвесторов? Перенимать опыт у лучших стран, учиться на их ошибках? Нет, мы сократим всё и всех. Всё уничтожим, разворуем. Тебе заткнем пасть, тебя уволим,

тебя посадим. Что-то хотел сказать? Пожаловаться? Молчать, твоя хата с краю. Ты маленький человек, винтик в системе. Что ты можешь? Ты никто, грязь под ногтями. Мы здесь власть и мы будем создавать все условия для жизни. Нам насрать на твоих детей, наши все пристроены на долгие годы вперед. Быканул что-то? За решетку, быдло. Еще раз повторяю, мы здесь власть, так что закрой свой рот, пока не избili тебя и твоих детей, и не вкинули вас за решетку за инакомыслие. И вообще мы же все понимаем, почему плохо жить? Потому что бездарные политики воруют. Ладно бы воровали с прибыли, брали кусок от своего же успеха. Но нет. Уничтожим то, что начали уничтожать за нас, чтобы будущее поколение разбирало наши грешки.

Теперь, когда бабушка со мной, маме не нужно разрываться между мной и работой. Она очень хорошая женщина, я её очень уважаю и безмерно благодарен, но не люблю. Не знаю почему, внутренне она мне приятна, но она всегда убирает взгляд, я чувствую, как от неё веет негативом. Я обуза, когда смотрю на неё, то понимаю, что лучше бы я не родился. Надеюсь, теперь она найдёт время на себя и будет чуточку счастлива. Наверное, Миша любит в этой жизни две живые сущности: это бабушку и кошку Мусю. Муся была у нас до моего рождения. Она черная с белыми пятнами на спине. Она очень красивая и любит лежать на моих нерабочих ногах. Бабушка говорит, что Муся лечит. Но Муся не лечит, меня никто не лечит. Теперь бабушка занимается мной и моим воспитанием, и к тому же образованием. Я полностью под её контролем. Без работы ей нечего делать, бабушка часто грустит, смотрит вдаль и молчит. Молчу и я, отчасти потому, что люблю, отчасти потому что нечего сказать. Я не любитель разговоров, я одинокое, тихое, комнатное растение. С одной стороны, рад бабушкиной компании, но с другой – она стесняет и стесняется меня. Всё же я привык быть один.

После долгих уговоров, бабушка наконец-то разрешила мне пойти погулять. Конечно «пойти» в кавычках. Теперь она отвозит меня на улицу и я смотрю на детей вживую. Злости во мне мало, но я убил бы ради ног. По началу тихо плакал, глядя на их ноги, но потом немного смирился. Обычно мы сидели во дворе, который находился напротив двух жилых домов. Это был очень большой двор, с детской площадкой, а за ней футбольное поле. Часто с бабушкой сидели возле столика со скамейками. Я любил там находиться, но когда приходили туда другие люди – нам приходилось ехать чуть дальше. Это была осень, когда листья осыпались и валялись под ногами. Я был укутан, как якут и смиренно сидел, глядя вдаль. Однажды ко мне подошла девочка. Она была очень милой, чистые вещи, ухоженные волосы торчали из симпатичной шапочки. Впервые я заговорил с женским полом в двенадцать лет.

– Привет. Я часто на тебя смотрю из окна.

– Привет, зачем?

– Не знаю, просто. А зачем мы что-то делаем?

– Тоже верно. – Она задавала мне вопросы, такая смешная, с косичками, запускала руки в волосы, прикусывала губки, улыбалась. Мы беседовали налегке. Но в какой-то момент она всё же спросила:

– Что с твоими ногами? Почему ты не ходишь?

Я, немного смущаясь:

– Их нет, поэтому и не хожу.

– Ха-ха-ха, а ты смешной. Как же их нет, когда вот они? – И она ткнула в них пальцем.

– Это иллюзия. Их нет.

– Я не понимаю. Что значит «иллюзия»?

– Муляж. Это просто муляж, ног нет.

– А где же твои ноги?

– На войне оторвало!

- Ого! Что, правда? Ты воевал?
- Да, я и сейчас на войне.
- Да ну? И с кем же ты воюешь?
- С самим собой.
- Ты странный.

– Хорошо. Это хорошо. Зато ты нестранная.

Она немного смутилась, потом разозлилась.

– Знаешь что? Лучше быть нестранной, чем такой, как ты.

– Поверь, я бы многое отдал за твою жизнь. – Она совсем не поняла меня, но я очень пытался понять её. Бабушка закричала:

– Миша, нам пора, закругляйся.

– Хорошо, бабушка. Пока, девочка, приходи еще. – Ответа не последовало. Мы постояли несколько секунд, в надежде, что она что-то скажет, но она молча ушла... и бабушка покатила меня домой.

После этой встречи я целый день думал о ней. Даже не узнал её имени, мне так приятно общаться. Общение с ровесниками – это очень хорошо и это даже лучше, чем читать. Когда читаю, то я как будто только слушаю писателя, а так я могу говорить. Я буду с ней разговаривать и мы будем проводить с этой девочкой время. На следующий день её не было. И через неделю тоже не было. Бабушка уже не хотела меня возить, но я настаивал и настаивал, и настаивал. В какой-то момент она наотрез отказалась, но я чувствовал, что сегодня она придёт и использовал свой козырь. Я сказал: «Бабушка, у меня нет ног. Жизнь меня и так побилла, зачем ты меня добиваешь?» После моих слов бабушка ничего не сказала. Она молча ушла в комнату и её не было несколько минут. Я сидел с мыслями: «Блин, что же я наделал». Бабушка вернулась с красными глазами. Я всё понял и больше так не делал. В тот день она повезла меня на улицу, но той девочки опять не было. Я всматривался в окна и в лица людей, но её не узнавал.

– Миша, эта девочка больше не придёт.

– Это еще почему?

– Ты отпугнул её, тебе нужно научиться разговаривать с людьми. Для начала тебе нужно...

– Нет! Бабушка, нет! Хватит, хотя бы в этом не нужно меня учить, ладно? Я сам разберусь.

– Миша, ты растёшь хамом, я не этому тебя учила.

– Я сам себя учу, бабушка. Жан-Поль Сартр писал: «Человек создаёт себя сам».

– Ты слишком много читаешь, Мишенька. Мне страшно за твоё будущее.

– Оставь, бабушка. Побереги страх перед неизвестностью бытия. Перед дуализмом Вселенной. В конце концов, перед универсумом всего сущего.

– Господи, Миша, Мишенька. Да откуда же ты таких слов набрался то? Тебе всего лишь двенадцать лет, твои ровесники в футбол играют.

– А! То есть ты мне предлагаешь сейчас слезть с этой долбанной коляски и пойти погонять в футбол, да? – Мне казалось, что осознание чего-то высшего даст мне какую-то цель, как-то отвлечёт меня от всего. Я пытался найти какой-то ключ. Не всё закручивается вокруг рабочих ног. Можно делать открытия, заводить прекрасную семью, рожать красивых детей, строить замки, менять людей и мир вокруг. Но ничего не происходит. Это мне ничего не даёт. Я живу здесь, в бедности, в одиночестве и моё Я тает, как олово на паяльнике. Я скрываю свои чувства под раздраженностью, надеваю маску за маской, чтобы уйти вдаль от всех вас, остаться наедине в своём мире. Который понимаю я и без всяких людей, мелочных и противных. Которые постоянно пытаются меня чему-то учить. Чему они пытаются учить меня? Где они и где я. Все твои глупые подружки, наши соседи, твои бывшие коллеги по работе, которые приходили и смотрели на меня, как на ничтожество. Дергали меня за щеки, как будто кто-то

им это разрешал! А я не хочу этой жизни, но и изменить ничего не могу. Безусловно, я найду отдушину среди этого брэнного мира. У меня появится хобби, возможно интересная работа и жизнь развернётся передо мной в новом облике. Но не сейчас. Сейчас я грусть умноженная на одиночество. А эта девочка, она другая. Я увидел в ней расслабление, я как будто забыл о ногах, пока она не вспомнила. Но бабушка не поняла ничего, что я ей сказал. Это всё потому что она видит во мне ребёнка, маленького наивного мальчика, который нахватался кусками там и сям. И сам не понимает о чем говорит.

– Мишенька, не нужно ругаться и кричать на бабушку.

– Бабушка, не нужно обижать Мишеньку. К тому же, бабуля, энтропия растёт. Ты думаешь, я буду находиться всю жизнь в неведении?

– Дорогой, поедem лучше домой, я тебе блинчиков напеку.

– Со сгущенным молоком?

– Да.

– И с творогом?

– И с творогом.

– Вези...

№4 «В моём поле зрения появляется новый объект»

Я проснулся от грохота. На часах было около двух ночи. Мужской голос говорил громко, а женский шептал. Я разобрал в этом шуме голос отца и мамы. Я вслушивался в шепот, но ничего не мог разобрать. Отец отвечал короткими фразами. Он крикнул «Отстань, я сам», а мама ему: «Тише-тише, Мишу разбудишь». Я включил фонарик, подвёз к кровати коляску, залез в неё и тихо подъехал к двери. Попытался прислушаться, но ничего не было слышно и свет погас. Я слышал кряхтение у себя за дверью и решил её открыть. Отец распластался на полу и упёрся в него головой.

– Черт возьми, папа, что с тобой?

– Миша, не ругайся.

– Да что вы ко мне пристали с этим «не ругайся» не ругался я еще. Тебя вообще это сейчас волнует? Как я ругаюсь? А то, что ты ночью лежишь не на кровати с мамой, а на полу – это нормально?

– Сына, не нагнетай, видишь папе и так плохо.

– Да уж вижу, папочка. – Мы простояли... шучу, я катался вокруг него, а он лежал. Мы так прокатались и пролежали какое-то время.

– А почему мама не хочет тебе помочь?

– Она обижается на меня.

– Я бы тебя вообще выгнал из квартиры за такие выходки.

– Ша! Как с отцом разговариваешь? А ну спать, бегом!

– Ты кряхтишь у меня за дверью, как я спать буду? Давай помогу тебе.

– Интересно, как?

– Па, хватайся за меня рукой, а я довезу нас до дивана.

– Не мели чушь, ты меня не увезёшь.

– Хватайся, говорю!

– Миша, пожалуйста, уйди спать. Сын не должен видеть отца в таком состоянии.

– Вообще-то, папа не должен в принципе быть в таком состоянии.

– Какой-то ты не по годам умный. Иди спать.

– А ты можешь командовать мною хотя бы в вертикальном положении? Вот, возьми мою руку. Я сейчас дотащу нас.

– Сын, мне жаль об этом говорить, но раз ты хочешь помочь, тебе надо как-то меня зацепить. О! Возьми мой ремень, я привяжусь к ручке кресла. – Я довёз папу до кровати, однако несколько раз чуть не выпал с кресла, но оно впилося в меня. Я на нем разъезжал, как виртуоз.

– Сын, куда мы с тобой докатились?

– Прямо к твоей комнате.

Через несколько минут папа уже храпел. На следующий день он старался не попадаться мне на глаза. Я не злюсь и не виню его за это. Лишь спустя много лет, я вновь увидел его в таком состоянии, но больше ему не помогал.

Я, как обычно, сидел возле лавочек вдали от площадки и наблюдал за происходящим и вдруг она со мной заговорила:

– Привет, всё еще сидишь?

– Нет, стою, разве не видно?

– Как твои дела?

– Куда ты пропала? Я тебя ждал.

– Бабушка заболела и мы уехали в село.

- Я тоже хочу уехать отсюда.
- Ага, ну-ну. И с кем же ты поедешь?
- С тобой. Поехали со мной?
- Ты даже имени моего не знаешь.
- Это всё тупфта и не должно тебя волновать.
- А вот и должно! Меня Надей звать.
- Бабушка, отпусти меня пожалуйста, мы с Надей вот до восьмого подъезда и обратно. Ладно? – Она ничего не ответила. Бабушка отошла в сторону и дала знак, что можно ехать.
- Как ты думаешь, – спрашивала Надя, – почему всё так происходит в жизни?
- Как «так»?
- Ну так, неинтересно.
- Ты уже успела разочароваться в жизни?
- Да. Я не хочу жить. – Я ехал возле неё и молчал.
- Чего молчишь?
- Да я вот думаю, как ты, девочка с ногами, не хочешь жить, а я мальчик без ног, и хочу.
- Просто...
- Ну что «просто»? Что тебе не нравится?
- Да блин, всё. Я и так много учусь, но мама еще заставляет учить алгебру с геометрией, а у меня ничего не получается. Я её просто не понимаю!
- Да ладно тебе, это пустяки.
- Тебе пустяки, а мне если не исправлю оценки по математике, мама не купит мне путёвку в санаторий.
- Ну так наймите репетитора и всё, делов то.
- Мама не хочет, а у меня нет денег.
- Так работай.
- Как? Ты с ума сошёл? Где я заработаю деньги?
- Бабушка моя говорит, что у человека нет никаких границ. Она сказала, что человек может всё.
- Твоя бабушка глупая.
- Все мы в какой-то мере глупые люди. Ты знаешь, я сижу целыми днями дома и научился вязать.
- Ха-ха-ха. Да ну? Ты? Научился вязать?
- Ага. Смотри, какой себе свитер связал.
- Ого, клёво. А мне сделаешь что-нибудь?
- Нет, это ты мне сделаешь, ты ведь женщина.
- Я девочка! Как я буду тебе вязать, если я не умею?
- Да без разницы, пол же женский. Давай, я тебя научу? Хочешь? Свяжи мне что-то, а я у тебя это куплю, я откладываю деньги на поездку, когда стану художником и научусь ходить.
- О, давай. А когда будем учиться?
- Всегда.
- Миша, езжай обратно, пора домой.
- Пока, Надя. Я был рад тебя увидеть.
- Пока, Миша.

Я как большая антилопа, лучшая из всех антилоп, но во владении хищных львов. Они еще не увидели меня, но вот-вот увидят и съедят. Каждый, кто еще верит в какую-то справедливость – дурак. Справедливость – это все мы. Это баланс, который кто-то где-то пытается выдержать, а кто-то нет. И все вот эти фразы, что жизнь поставит всё на свои места и разберётся – не работает. Никто ни с чем не разберётся. Просто человек получает ровно то, за чем он шёл. Вот только одно дело, когда ты безработный потому что не хочешь учиться чему-то

новому, допустил ошибки. В своё время, когда можно было что-то решить, что-то сделать, ты потерял время. А теперь сидишь у разбитого корыта. Другое дело, когда ты изначально, как я, рождаешься без ходячих ног. И что ты сделал в этой жизни, чтобы это получить? Нагрешил где-то в прошлой жизни? Нет. Справедливость работает только у нас, людей. Для природы, которая нас создаёт, нет никакой справедливости. Для неё вообще ничего нет, всё просто происходит в каком-то процентном соотношении. Как кроны у деревьев, как отпечатки пальцев у людей. Что-то происходит так, а что-то иначе. И изучить это никак нельзя, невозможно понять закономерность. Потому её как таковой нет, а если она и существует, то абсолютно не прослеживается нашим умом. Ведь если бы она прослеживалась, то тут же бы и не прослеживалась. Потому что такая система существования всего в мире. Я езжу на коляске, пока другие ходят по земле. Они могут быть четырежды неправы и трижды хуже меня, и дважды глупее. Но они могут иметь всё. А я смотреть по сторонам и слюни пускать. Как же изменилась моя жизнь, если бы были рабочие ноги? Да я бы эту Надю схватил за руку, и побежали бы мы куда глаза глядят. И никто бы за мной не следил, никому бы не пришлось со мной нянчиться. Это не жизнь, а просто жалкое существование. И я не хочу жить, я ей соврал. Как я, к сожалению, в трезвом уме, могу хотеть жить? Меня еще забавляет её отношение к жизни. Какая-то алгебра, геометрия, жить ей не хочется. Мне кажется все люди в мире несчастливые. Ведь если бы было абсолютное счастье, то и мир не был бы таким жестким. Было бы больше злости, обмана, страха, ненависти и отчаяния. Я не встречал счастливых людей еще никогда. Я встречал людей, которые хотели бы быть счастливыми. Это да. Встречал тех, кто делает вид, что они счастливы. Таких тоже много. Но я не встречал по-настоящему, искренне счастливых людей. Да потому что нет этого счастья, оно недостижимо, как горизонт. Идешь за ним, идешь, постоянно что-то надо. Абсолютно недостижимое чувство. Остановись мгновенье, кому-то хочется это крикнуть? У меня есть ноги, для меня все проблемы были бы ничто, если бы ноги. Я бы жил благодаря рабочим ногам. Я бы страдал, чтобы они были. У неё это все есть, но она всё равно недовольна. Ищет поводы только для грусти. А надо искать поводы для удовольствия от жизни. Но я, к своему стыду, не понимаю до конца, а как получать это самое удовольствие? Ведь я говорю себе: Миша, ноги не самое важное, не самое главное в твоей жизни. Удовольствие можно получать и без них. Это по факту просто способ передвижения и не более того. Зато тебе недоступны многие проблемы и лишения, даже с рабочими ногами. Ну вот будут у меня ноги и что дальше? Я сяду на лавочку, посмотрю вдаль. Я побегу за бабочкой, сяду на велосипед и покручу педали. Я смогу сам сходить в магазин или подняться по лестнице. А где же тут счастье? Это для меня сейчас счастье, потому что его еще не было в моей жизни. А когда ты это делаешь изо дня в день, тебе это кажется обыденностью. Тебе хочется что-то новое, больше, более, важнее, масштабнее. Что-то, чего еще у тебя не было. Наверное так работает эта жизнь. Но одно я понимаю точно, что это просто грёзы на пустом месте. Ноги. Не они делают меня счастливым, а отношение к жизни. То, что в голове. И Надя общается со мной не смотря на отсутствие или же присутствие этих самых ног. Но мне этого недостаточно. Я хочу держать полный контроль над жизнью. Она с ногами дерьмо, а без ног и вовсе не имеет места быть. И я понимаю это, так же ясно, как понимаю свет солнца, прикосновение руки, запах дождя. Но я ничего с этим не могу поделать. Умирать я почему-то не хочу, мне интересно что там дальше. Но и жизнь как такова меня не привлекает. Она мне сама по себе не нравится, не интересна. И тут даже зависит не больше от образа жизни, а от самого состояния, от самого устройства жизни. Что тебе постоянно надо, тебе постоянно мало. Что любое удовольствие – это удовольствие только наполовину. И все эти проблемы, бесконечные проблемы, боже. Я устал и главное, мне абсолютно не с кем разговаривать в этом мире. Родители, бабушка, общество вокруг. Они почему-то связывают отсутствие ног с отсутствием мозга в голове. Или, я даже не знаю. Мне и некому крикнуть, возмутиться. Что мне это всё не нравится. Я хочу чтобы всё было отлично, или вовсе не жить, не существовать. Не ездить по этой земле на коляске, не смотреть

на туман, на звёзды, на вечную слякоть у меня под окнами. На кислые рожи других людей, которые такие же несчастные, хоть и с ногами. А главное, я никак не могу с этим смириться. Стать бы мне каким-то вором, убийцей, рецидивистом. Или уехать, сделать что-то полезное для общества. Как-то изменить эту жизненную бессмыслицу. Хоть что-то сделать, понимаете? Чтобы не чувствовать себя ничтожеством. Я маленький мальчик, который просто хочет справедливого отношения от жизни самому себе. Пусть в этой жизни нет чуда, ноги не вырастут из ниоткуда. Но что-то же должно произойти, как-то жизнь должна мне отблагодарить? Что-то дать Мише взамен. Хорошую крепкую семью? Так нет. Здоровье крепкое? Тоже нет. Деньги? И тут мимо. Работает ли какая-то удача на самом деле? Или удача это удобное стечение обстоятельств для каждого из нас?

№5 «Всё это с тобой»

Моя комната заставлена толстыми книгами и исписанными тетрадями. Бабушка не даёт мне спуска и мы целыми днями учимся. Моя высокая кровать стоит от меня с левой стороны. Рядом стол, шкаф и входная дверь. На шкафу зеркало, в которое я не смотрю, кроме сегодняшнего дня. Удивительно, какая у меня внешность. Я давно не смотрел на себя в зеркало, очень давно. Поразительно, я так изменился. Моё лицо повзросло и вытянулось. Если бы я разрешал им меня подстричь, то был бы действительно очень красив. Но мне не нужно быть красивым, мне не для кого. Моё лицо кажется крепким, как скала, а мышцы очень натянуты, словно проволока. Казалось бы, если толкнуть в моё лицо пальцем, то он отлетит обратно.

Папа на работе, мама на работе, бабушка смотрит телевизор, а я сижу один в своей комнате и смотрю в окно. Мне так одиноко. Я одиночество люблю, но не могу находиться в нём вечно. Порой из него нужно шагнуть. Сделать хотя бы четверть шага за горизонт. Надя ко мне так и не пришла, хотя обещала. Уже прошла неделя с тех пор, а я не могу выйти на улицу, так как кашляю, и бабушка заставляет сидеть дома. Не знаю какие чувства вызывает у меня Надя. Я просто хочу общаться с ней, хотел бы увидеть её еще раз, поговорить о чем-нибудь. Мне всё равно о чем, лишь бы говорить. Всю эту неделю я придумываю в голове, как буду учить её вязанию. Я даже сделал карточки для обучения и очень хочу ей помочь. Будет жалко, если она не придёт. Придётся выбросить карточки. У меня совсем нет друзей. Интересно, я хороший человек или плохой? А если бы я мог ходить, то что бы я сейчас делал? Наверное, танцевал. Я так хочу танцевать, но увы. Как бы хотелось взять Надю за ручку и потанцевать под какую-нибудь спокойную музыку. У неё такие белые волосы, а их кончики так красиво заворачиваются, и щечки её такие нежные и, наверное, очень мягкие. А кожа такая гладкая, на прогулке я случайно дотронулся рукой до её руки и мне стало очень приятно. Сердце гоняло кровь с утроенной скоростью. Хотел поговорить об этом с бабушкой, но очень стесняюсь. Единственная женщина, которая вьётся в моих ногах – это Муся. Она так приятно урчит и клонит меня в сон. Глаза тяжелеют и закрываются. Делать всё равно нечего, нужно дочитать книжку и идти спать. Завтра будет новый бессмысленный день, заполнен одиночеством до краев одиночества.

Я люблю одиночество и в нём чувствую себя спокойно, умиротворённо. Мне никто не нужен, но после Нади мне хочется всё больше и больше с ней общаться, хотя бы её увидеть. От этих мыслей моя жизнь становится еще скучнее. На одном месте не сидится, но и делать тоже ничего не хочется. Мне остаётся только лежать. Я лежу на кровати, смотрю в потолок, иногда листаю комиксы и ничего не хочу.

– Тук-тук, Миш, ты спишь?

– Да, мама, десятый сон вижу в шесть вечера.

– Не ёрничай. – Она зашла в комнату.

– Бабушка сказала, что ты ничего не кушаешь. Сынок, что с тобой происходит, почему ты не разговариваешь с мамой? – Она подошла к краю кровати и села возле моих нерабочих ног. Она их гладила и показательно тяжело вздыхала.

– Сына, я не знаю что с тобой происходит, но я всегда готова тебе помочь, слышишь?

– Я знаю мама, я всё знаю. Просто мне не хочется есть, вот и всё.

– Миша, но ты ничего не хочешь. Ни кушать, ни учиться, ни даже поговорить с мамой.

Пойдём покушаем, пообщаемся наконец-то. Я так по тебе соскучилась.

– Мам, не хочу я ничего есть, пожалуйста, оставь.

– Ну хоть чая то попей. Давай я тебе помогу.

– Мама! Я сам, всё сам, не надо. Сам залезу!

Мне пришлось залезть на эту дьявольскую коляску и протянуться с ней к кухне. Наша кухня, по сравнению с остальным домом, выглядела плохо. Обои отклеивались, кафель отваливался. Мебель тоже старовата. Эта квартира еще досталась дедушке от завода. Мы пытаемся всеми силами сделать что-то с домом, но дух того времени всё витает в воздухе. Дряхлые шкафы, скрипящие стулья, старый, грязный, порванный линолеум. Дом находится среди множества таких же серых домов. Наш город промышленный, но добрая часть заводов уже стоит. Здесь живут дети рабочих. Район сам по себе бедный, отдаёт серостью. Промышленный город имеет тюрьмы, а там своих зеков. Почему так получается? Я думаю, из-за промышленности. Куда людям идти работать? На завод. А те, кто не хотят на завод? Воруют, пьют и сидят. Таковы реалии. Не смотря на тотальную серость, именно в моём дворе прослеживаются какие-то отличия. Например, есть футбольное поле. Конечно, с одной стороны ворота – это деревья и поле кривое, но хоть какое. И малое подобие каруселей, но они есть и это, как я думаю, уже хорошо. Мы живём на втором этаже и наши окна, к моему счастью, выходят на светлую сторону. Туда, где расположилась кучка деревьев, которые шуршат вблизи окон. Где постоянно орудуют птички и ласкают мой нежный слух. Я подъехал к столу и внимательно слушал маму.

– Бабушка сказала, что у тебя девочка появилась?

– Мама!

– Ну чего ты? Не стесняйся. Ой, щечки уже покраснели, я смотрю.

– Ничего подобного!

– Сына, ну не повышай голос на маму. Я твой румянец всегда учую. Я же мама твоя. Послушай лучше совет мамы. С девочкой будь собой, не обманывай девочку. Если хочешь, чтоб она тебе понравилась, то ухаживай и заботься о ней.

– Я сам разберусь, мама.

– Оболтус, ничего ты не разберёшься. Я хочу чтобы ты кушал, ясно? И старался двигаться, потому что у нас для тебя подарок. Мы всей семьей хотим сделать тебе настоящий подарок. Такой, что даже ты оценишь.

– Мама, какой подарок? Игрушки какие-нибудь? Ты же знаешь...

– Нет, сын. Это будет незабываемый подарок.

– Ого! Какая-нибудь поездка?

– Почти.

– Ну скажи, скажи, скажи, ну пожалуйста, мама! Ну мам!

– Всё сам увидишь, но если ты не будешь кушать и слушаться бабушку, то ничего хорошего от нас не жди.

– Мама, да ты прям великий манипулятор. Ладно, я постараюсь, но не обещаю.

Эти мысли взбудоражили меня. День рождения через полгода, почему она о нём заговорила? Или она блефует, или действительно что-то серьёзное. Но всё же я не думаю, что она бы меня обманывала. По телефону раздался звонок.

– Да, алло.

– Мишуня, у меня для тебя подарок.

– Деда, привет-привет. Что за подарок?

– Ага, щас прям разбежался и сказал. Давай дуй завтра ко мне, я тебе всё покажу.

– Дед, ну скажи.

– Всё, отбой. До связи.

Еще один сюрприз, да они меня балуют. Не-е-е-т, дорогие мои, я так сегодня точно не усну. Мои пальцы плясали в воздухе от возбуждения, плечи ходуном ходили взад-вперёд. Я подъехал к телевизору, отец смотрел какой-то боевик. Не люблю боевики. Все мысли только о завтрашнем дне и что там за подарок. Заехал в комнату, взял комикс, стал листать, но мысли

не пропадали. Теперь думаю о Наде. Как там она? Как там её математика? Эх, вот бы мне сейчас прыгнуть и побежать за ней.

На следующий день я проснулся от грохота в дверь. Когда уже выехал из комнаты, встретился глазами с матерью. Она была перепугана. Я никогда её такой не видел. Сегодня вторник, будний день, но она не пошла на работу. Отец уехал, бабушки нет, никого нет. Остались мы с ней наедине. Она ловко подбежала к глазку. Вообще у меня красивая мама, она аккуратная, интеллигентная. Но почему-то имеет странную особенность, очень громко говорить. Непонятно откуда у неё это и для кого. Ну уж какая есть. Как я уже писал, мне кажется, я её не люблю. Но всё же питаю к ней яркие, тёплые чувства. Я хорошо разбираюсь в своих чувствах, наверное. Понимаю что красивое, а что хорошее. И вот она стоит смотрит в глазок, а кто-то стучит. Я шепотом:

– Кто там? – Она так же шепотом.

– Не знаю, алкаш какой-то.

– И что делать будем? – Как жаль, что нет отца. Почему в такие ситуации никого нет под боком? Было бы так удобно, он бы открыл дверь и выгнал его. И тут я опять подумал про свои нерабочие ноги. Если б мог, я бы подпрыгнул, открыл и выкинул его с лестничной площадки нахер. А он всё стучал. Я увидел этот страх в её глазах, опять. Мама повернулась, посмотрела на меня и в её глазах я увидел беспомощность. Я как мужчина должен её защитить, но не могу. И это разрывало меня, я захотел заплакать и еле сдержал слёзы. А он стучал. Еще плакать будешь? Да? Ты беспомощная тряпка без ног и хочется тебе рыдать? Ты тварь. Но что мне делать? Крикнуть? Прогнать прочь? Я понимаю, что она хочет спросить у меня, что ей делать. Ей нужна помощь. Она побежала звонить отцу, деду, хоть кому-то. Ей нужна была поддержка. Я ей не мог дать это, так хоть кто-то же должен. Но никто не брал трубку. А он стучал. Я решил посмотреть кто там. Это было трудно, но я смог. Стоит мурло. Глаза опущенные, лысоват, качается в разные стороны, с бутылкой какого-то говна в левой руке. Я подумал: а должна же быть какая-то польза от моей инвалидности? Можно же это как-то использовать в своих целях? Мне стало интересно, что он сделает, если я открою дверь? Ударит меня? Убьёт? Зачем и за что? А я могу ему что-то сделать и он к этому не готов. Но что? Я читал в одной из книг, как делать дымовые шашки, едкую жидкость по типу кислоты и прочие милые вещи. Нужно использовать свой мозг на благо. Я пошёл на кухню, поставил чайник (так надо) покопался в аптечке. Так, хорошо не всё, но хоть что-то полезное есть. Нужно это использовать. А он стучал. Мама истерила. Бегаёт из комнаты в комнату.

– Что ему надо, я не понимаю? Мишенька, что нам делать? – Мне стало приятно, хоть когда-то она увидела во мне мужчину, а не тряпочку безобидную.

– Сейчас я всё решу?

– Ты? Решешь? – Это надо было видеть. Глаза вылезли на лоб, лицо такое странное. То ли смеётся, то ли плачет, трухануло её хорошенько от моих слов. Я и решу. Наверное думает, что я грязь под ногтями. Меня это подстегнуло. Я решил. Или Миша сейчас будет уничтожать, или страдаем мы все. Так оно и произошло. Я не думал, я сделал. Открыл дверь. Стоит, стучать перестал.

– Ээээ... слышь пацан... – И на тебе, суке, в голову, умойся. Эти крики как мягкие лепестки роз у меня на губах. Он истерил, я не закрывал дверь, я смотрел. Это было глупо. Мама подбежала и закрыла дверь. Зыркнула на меня странно. Злость, страх за сына впере-мешку с добротой и вселенской благодарностью.

– Мишенька, солнышко. – И она бросилась к коляске, упала на колени, удивлён, как она их не раздолбала. С такой силой упала, бедная женщина. А он кричит, у него настоящая истерика.

– Как ты себя чувствуешь? Он тебя ранил? Что произошло. – И тут я ей рассказал, что сделал. А потом добавил:

– Вы меня все считаете за кусок дерьма, как будто я для вас не человек. Ты не ко мне пришла за помощью, ты побежала звонить им всем. Как будто они сейчас с тобой и могут тебе помочь. Как будто кто-то приедет и примчится. Но никто тебе не помог, никто не взял трубку. А я это сделал. Я сделал то, что не сделал бы каждый с ногами. Я это сделал ради себя самого. Потому что мне надоело это отношение. Вы все видите во мне безвольного инвалида. А я человек! Я мужчина и я не хочу видеть твоего страха в глазах. Я готов пожертвовать многим, мама, но чтобы ты страдала, никогда в жизни. Я понимаю вас, пускай. Думайте как хотите и это на вашей совести останется. Но я доказал себе раз и буду доказывать впредь. Твой сын не просто безвольный инвалид. Он человек. Запомни это. – И тогда я расплакался. Разрыдался как маленький ребёнок. Так, что упал с коляски лицом в пол и плакал. А он уже не кричал. Она посмотрела потом в глазок, его уже не было. А я лежал и плакал. Она пыталась меня поднять, но не смогла. И мы просто лежали так, она села на пол, положила мою голову себе на колени, я повернулся на бок и плакал. Уже не сдерживался и слезы ручьем лились, смазывали её ляжки. Она меня успокаивала. Говорила какой я герой, что я неправ, что они меня все любят и так далее. Но я и не сомневаюсь, что они меня любят. Я и не говорил обратного. Она мне так и не сказала главное, что она видит во мне человека, мужчину, который может ей помочь. Нет, она не сказала этого. Потому что это тяжело, врать мне. Она сделала вид, что всё как будто иначе, как будто проблема в другом. Но я не виню её за это. Я просто хочу... не знаю, я просто хочу быть счастливым в своём доме. Чувствовать себя в своей тарелке. Но... всё, я больше не хочу этого. Хватит.

№6 «Забота у нас такая»

Я приехал к деду домой. У него дом, конечно, шикарный, ничего не скажешь. Не зря он один из лучших инженеров. Он сделал всё своими руками. И этот огромный забор из камня, и двухэтажный дом и будки для собак. Я гордился своим дедом. Вообще гордился своей семьей, она у меня была на удивление успешная и при этом я не замечал, чтобы кто-то сильно ссорился. Ну мама с папой это дело понятное и привычное, но на этом всё. У дедушки еще была жена, моя бабушка Агарьева Мария Никифоровна, но мы с ней не особо дружим и я не знаю почему, ведь никто друг другу ничего плохого не сделал. Она какая-то грустная, грубая, тёмная женщина. Не вызывает положительных эмоций. И как только он с... ну да ладно, чего это я, мне то какое дело, главное, что у меня дед на вес золота. Папа привёз меня на своём грузовичке, снял с сидения, усадил на кресло и молча стоял рядом со мной.

– Деда. Де-ду-ш-ка. Вы-хо-ди.

– Оу, – отзывается дед, – выхожу-выхожу братцы. – Дед был с грязными руками, они были все в какой-то смоле или в масле машинном. Он расплылся в улыбке, вытер руки куском тряпки, бросил её возле здорового забора и принялся нас обнимать. Попрощался с отцом, взялся за мою коляску и повёз во двор. Я поздоровался с бабушкой, но мы проехали мимо входной двери. Он завёз нас в свой сарай.

– Ну что, Мишуня, смотри что приволок.

– О, дед, ну ты молодец. Отлично, очень хорошо, заряжай. – Он принёс, как и обещал месяц назад, две винтовки. Где-то взял в тире и мишень оттуда же принёс. Уже всё установил. И мишень и ружья.

– Смотри, хватаешься за дуло и вниз, вот сюда вставляешь пульку, потом дуло ставишь обратно до конца. Главное, чтобы был щелчок, понял? Вот, сейчас я поставлю тебя на подставку, чтобы твой локоть лежал, а не висел. Гляди, левым глазом смотришь туда, наводишь на мишень. И главное, чтобы дуло было как бы чуть выше, понял? Нажимаешь курок и готово. – Я сделал как он сказал, но после выстрела моё плечо пошло куда-то назад.

– Какое-то странное ружьё. Так же ведь не должно быть?

– Ну да, не то, которое было в парке. Я подшаманил над ним мальчика. Но что у тебя плечо ходит – это плохо, конечно.

– Это почему?

– Ну слабенький ты какой-то. Ладно, наверное, ты молод для ружья. Пошли комиксы листать.

– Так, деда, погоди. Почему слабенький? Ты же знаешь, я занимаюсь.

– Да что-то не заметно. Когда последний раз то тягал свои гантели?

– Ну это, ну когда... ну помнишь, когда ты приходил... А нет, это было не тог...

– Ну вот, всё понятно. Миша, мама твоя говорила за девочку.

– Да черт бы его побрал! Дедушка, ё-маё, да что такое? И ты туда же? Девочка-девочка, да что вы с этой девочкой то? – Он внимательно выслушал мой крик. Пропустил мимо ушей мой запал и как ни в чем не бывало продолжил:

– Тебе надо заниматься больше. Мы готовим для тебя подарок и если ты будешь вот таким, то придётся от него отказаться. К тому же, ты же хочешь стрелять? А если я тебе травматическое принесу или даже винтовку для охоты. Как ты будешь стрелять?

Он меня очень озадачил и, в то же время, расстроил. Я опустил голову вниз и замолчал. Пришлось бросить ружье и вылезать с так называемого тира. Я обиделся на деда, но в то же время понимал, что он это не со зла, что он хочет мне помочь. Удивительно, но на его лице

я не заметил никакой вины и в поведении тоже. Неужели он не понимал, что обидел меня? Мы поели, попили чая и листали комиксы. Потом вместе разгадывали кроссворд, а когда стемнело, папа за мной заехал, чтобы забрать домой. Все это время я вёл себя очень позитивно, даже позабыв о своей слабости в руках, но когда мы отъехали от дедушкиного дома, я опять грустит.

– Ты чего так грустит?

– Да так, не из-за чего. Просто.

– Ну говори, из-за чего?

– Не бери в голову.

– Из-за девочки, да?

– Папа! Папа!!! Хватит, сколько можно уже? Да сколько можно? Вы меня с этой девочкой уже зае...

– Брр, подумай хорошенько. Ты действительно хочешь сказать это слово?

– Нет, папа.

– Может ты еще покричишь на своего отца?

– Нет, папа...

– Что нужно сказать?

– Извини меня. Ну правда, почему вы все за девочку говорите?

– Потому что мы рады, что у тебя появилась подружка. Разве неясно? Ты ходишь весь такой грустный, тёмный, как туча. Мы очень за тебя переживаем и очень тебя любим, но ты отталкиваешь нас. И мы хотим, чтобы ты хотя бы кого-то принял в свой мир. В свой сложный мир. Не обижайся на нас за нашу любовь.

Когда я приехал домой, то никак не унимался из-за слов деда. Он меня серьёзно подковырнул. Конечно, я не оставил этого просто так, но не оставил только в голове. Я всё так же лежал на кровати и не шевелился, пока бабушка не позвала меня гулять. Мы вышли, остановились как обычно, между двумя домами, заехали в самую гущу листьев, и я принялся ждать Надю.

– Здравствуйте, Лариса Петровна.

– Здравствуйте, Любовь Алексеевна. Как ваши дела? Как внук?

– Да как-то потихоньку, а ваши как? Чем сейчас занимаетесь?

– Да вот рассаду решила

Пропустим, это не интересно. К нам подъехала женщина с внуком, он также был в коляске. Она иногда подходит общаться с бабушкой. Эта женщина её возраста, но волосы седые, лицо и руки в морщинах. Кожа пожелтела и свисает с щек. У меня всегда складывалось ощущение, что если за эти щеки потянуть, то они оттянутся и отлетят ей в лицо. Они мне напоминали потягнутую резину. В этот день она приехала со своим внуком, который сидел за ней в коляске и пытался увидеть меня между её ног. Я непроизвольно кривил лицо и мечтал убежать. Мне надоело смотреть на его стеснение и неопределимый интерес. Его физиономия кривилась, морщилась и неприятно моргала. Во всех его действиях я видел эти неприятности. Спустя некоторое время, я подманил его пальцем.

– П-п-п-при-в-в-в-ет.

– Привет. Как тебя звать?

– В-в-в-а-а-а...

– Вася?

– Н-н-е-т. Ва-а-а-а-а...

– Ваня?

– Ва-а-а-а-л-е-е-н-тин.

– Какое идиотское имя.

– Спа-а-а-а-сибо.

– Прежде, чем ты протянешь свой вопрос, я лучше сам скажу. Меня Мишей звать.

Почему ты на коляске?

– Па-па-па-па...

– Болеешь чем-то?

– Па-а-а-д-а-ж-д-и. Я б-б-б-б-б-б-б-б... – Видимо он сдался в попытках что-то выговорить и махнул головой.

– Я тоже вот, родился таким. Давно ты в этих краях? Я тебя раньше не видел, только бабушку твою.

– Все-е-е-г-д-а. У ме-ня сто-о-о-лько бо-о-о-лячек, что я и-и-их могу пере-чи-и-и-слать вечно-о-о-сть. Я за-и-и-каюсь, как ви-и-и-и-и-и...

– Да, вижу. Сколько тебе лет, Ва-а-а-а-л-е-е-н-тин? – Его лицо сморщилось, он медленно протянул руку к своей щеке и опёрся глазом о большой палец. Видимо, он так грустит, и я его этим обидел.

– Не пе-ре-ре-ре-кривляй меня, по-о-жалуй-ста. Я тебе ни-и-чего не-е-е-сделал. Пло-о-о-хо-го. – Последнее слово он сказал на выдохе, причем очень быстро. Схватился за колёса и повернулся от меня.

– Ну стой, подожди. Ладно, не обижайся.

– По-о-о-бещай, что не-е-е-е-бу-де-ешь меня оби-и-и-жать.

– Даю слово, больше никогда тебя не обижу. Извини, это было глупо. Давай я помогу тебе. – Он был очень странно одет. У меня была модная курточка, с мехом на воротнике и на рукавах, я часто прятал лицо в этот мех, потому что он был длинный и тёплый. Валентин был плохо одет, в какую-то олимпийку и замотан большим, безобразным шарфом. На голове весела розовая шапка с берёзовым бубенчиком. Штанов я не видел, потому что он был укутан в длинное покрывало, которым накрывают обычно кровати. На конце покрывала свисали красные канатики и попадали в колёса. Видимо его таз не работал, потому что он не мог нагнуться и убрать их, а его бабушка была занята разговором с моей бабушкой. Мне так было жалко их. Этот Валентин какой-то недоразвитый, эта его бабушка, такая страшная и, наверное, очень несчастная женщина. Валентин тоже какой-то несчастный. Мне стало мерзко, что я их сравнивал с собой и на этом фоне считал их лучше себя.

– Валентин, твоё имя очень глупое, длинное и неудобное. Я его упраздню. Теперь оно будет у тебя Валиком, или Валом. Какой вариант лучше?

– Ва-а-а-а...

– Короче, оба тебе подойдут. Давай я тебе помогу. Всё, готово.

– Спа-а-а-с-и-б-о. Ты кру-той. Я бы хо-о-те-л так шев-ли-ться, ка-а-а-к ты. Ты о-о-о-очень ло-о-в-кий и у те-бя си-и-ильные ру-у-у-ки.

– С чего ты взял, что сильные? И почему ты так сильно заикаешься? Что с тобой?

– Ты по-однял ме-еня о-о-одной ру-у-кой, а вто-о-о-р-ой убра-а-а-ал оде-я-я-я-ло. Я о-о-о-чень заика-а-аюсь, потому-у-у-у-что во-лну-у-уюсь пе-е-ред не-знакомы-ми лю-у-удь-ми.

– Ну мы же с тобой уже познакомились. Чего ты волнуешься? Ты какой-то очень странный парень. Слушай, я вот что думаю, почему бы нам не отъехать отсюда подальше и пообщаться?

– Я не-е-е-мо-гу отъеха-а-ать от ба-а-а-б-у-ушки да-а-а-ле-е-е-ко без спро-о-о-са.

– Да ну боже мой, что ж ты такой то. Ладно, хотя бы в сторонку отъедем. – Он подъехал к бабушке, что-то ей шептал на ухо и мы отъехали в сторону.

Я поднял камушек и кусок стекла от пивной бутылки. Начал царапать камнем о стекло. В стекле я увидел своё лицо на фоне солнца. Лицо было взволнованным и неестественно грубым.

– Ты так и не сказал мне, почему я тебя ни разу тут не видел. Хотя бы раз я же мог тебя увидеть?

– Я бы-ы-ыл все-е-егда ту-у-ут, но мне не ра-азре-ша-а-ал-и вы-ы-ы-хо-о-о-ди-и-ить.

– Правда? Это твой первый день?

– П-п-п-о-ч-ти.

– Ух ты! Скажи, ты видел девочку тут. Она вот такого роста примерно, у неё такие вот волосы белые выются вот так, кончики заворачиваются.

– Не-е-ет.

– Слушай, Валдос, ты какой-то совсем бесполезный. Дай за бубенчик потрогаю? Ладно, шучу. Смотри, она вот в курточке розовой такой ходит и её Надей звать. Это всё, что я знаю. Она живёт, наверное, или в этом доме, или вот в этом доме.

– А! Знаю. Это На-а-адя, моя со-о-о-с-е-е-едка. Напротив живе-е-т.

– Валентин. Мы уходим домой, маши мальчику ручкой. – И она потянула его за собой, что он даже не успел ничего сказать. Я был так ошарашен этим, что какое-то время молча простоял (ха-ха), просидел в коляске и смотрел, как они медленно отдаляются. Позже я решил крикнуть, чтобы доехать и узнать о Наде, но понял, что уже далеко и я буду выглядеть дураком. Я молчал, а они уходили. Вот теперь они ушли. Солнце зашло за широкоплечие тучи, поднялся ветер, полуголый тополь раскачивался над моей головой, меня пронзило холодом, я засунул голову в воротник и покатил свою коляску к дому. Бабушка пошла за мной.

Как только я переступил... хм, точнее, переехал порог дома, зазвенел наш телефон. Я подъехал к стене, снял трубку:

– Мишуня, это дедушка. Как дела?

– Нормально, дедушка. Пришёл с прогулки.

– Ты делал, о чем я тебе говорил?

– О чем? Нет.

– Миша, я сейчас приеду.

– Дедушка, о чем? Дедушка! – На том конце лишь короткие гудки.

Через час дедушка ввалился в мой дом с грудой каких-то мешков. Он разложил в моей комнате пакеты. На моём полу красовались какие-то железяки, гантели и прочее приспособление. Я был в полнейшем недоумении.

– Дедушка, что происходит?

– Миша, ты хочешь быть слабаком? Скажи мне, ты хочешь всю жизнь прогнить, – он обернулся по сторонам, посмотрел на стопки моих книг и журналов, – вокруг груды этой макулатуры!? – Я увидел, как жилы на его шее вздувались, а лицо покраснело. Он принимал форму рыбы-ежа, которая, казалось бы, вот-вот лопнет. Я молча сидел в своём кресле возле окна, опершись о быльце своего кресла, и спокойно смотрел на него без эмоций.

– Чего ты молчишь? Послушай меня. – Он подошёл ко мне впритык и сел на корточки. Он смотрел мне в глаза снизу вверх. – Мой внук не будет тряпкой, твои нерабочие ноги не дают тебе никаких привилегий. Более того, твои изъяны должны заставлять тебя не сдаваться, должны заставлять тебя идти вперёд. Это не пустые слова, иначе и быть не может. Послушай, ну посмотри же ты на меня, не отворачивай лицо. То, что у тебя случилась такая беда, это, во-первых, не навсегда, поверь мне, во-вторых, это должно придавать тебе силы быть лучше. Более того, с рабочими ногами и слабыми руками ты сможешь хоть что-то сделать, но ты ничего не сможешь сделать с нерабочими ногами и слабыми руками. – Я всё так же смотрел и молчал, мои губы обсохли, я кусал их зубами, а потом повернул голову в окно. Накатывались слезы и в то же время презрение к себе за слабость. Дед вышел на балкон. Я накручивал себя,

называл слабым, ненавидел деда, а он курил. Не знаю, какие у него были мысли в голове. Он вышел и опять подошёл ко мне.

Всё было конечно не так, но в моих воспоминаниях этот диалог звучал примерно так:

– Сынок, я был на войне. Я видел смерть, видел, как человеку оторвали половину туловища, а в его глазах горела жизнь и он полз, сжимая землю руками. Он верил, что доползёт. Я видел, как кровь засыхала и кусками отламывалась от моего тела. Я не хочу тебя пугать, я хочу лишь сказать тебе: я не отступлюсь. Ты мой внук, ты плоть и кровь моя, я заставлю тебя во что бы то ни стало быть сильным и ломать преграды. – Я совсем перестал себя сдерживать, слезы падали с моих глаз, не виноградом, яблоней. Будто бы бедную яблоню, всюду усыпанную яблоками, начали трусить сотни рук и эти бедные яблоки, еще зеленые, кучей падали на землю.

– Почему ты ненавидишь меня? Почему ты обижаешь меня? Дед! За что? Я и так стараюсь, я уже не могу, хватит!

– Что!? Что ты сказал!? Я тебя обижаю!? Я тебя ненавижу!? Да я за тебя глотку любому готов перегрызть и ты это знаешь. Но это вовсе не означает, что я позволю тебе быть немощным. Наоборот, я делаю это от любви к тебе. Если я буду сейчас тебя, как мама с бабушкой, по голове гладить и причитать, что у тебя всё получится, то ты вырастешь комнатным растением. Ты вырастешь тютей, которая неспособна ни на что в этой жизни. Пойми главную вещь, ты такой же человек, как и остальные. Это не делает тебя изгоем общества или поводом для насмешек. Я понимаю, что ты сталкиваешься с этим в жизни. Но это моральные уроды, на которых ты в будущем не будешь обращать внимание. И вообще, у тебя большое будущее, внук. Главное заставляй себя бороться. Борись со всем миром, с несправедливостью, с жестокостью. И главное – с собой. Борись с человеком внутри себя. – Я вытер слезы и всерьёз задумался над его словами. Дед упёрся коленями в пол и начал собирать тренажер. Собирая, он объяснял, что это и для чего. Когда всё было готово, дед сел за мой письменный стол и написал комплекс упражнений. Мы договорились, что я всё сделаю, как надо, и он будет мною гордиться. Позже, когда он уходил, от него прозвучала фраза: *«Если человека не наказывать, то он никогда не станет лучше»*.

№7 «Летел и Таял»

Листья совсем опали, наступила череда морозов. На улицу я совсем перестал ходить, закрылся в себе. Занимался, как говорил мне дедушка, потому что он, помимо нашего разговора, старался раз в неделю заезжать и проверять, как там мои дела. Я работал над собой и чувствовал, как окреп, но дед говорил, что месяц – это ничто. Я должен заниматься всю жизнь и даже больше.

Однажды я проснулся, но глаза не открыл. Лежал на спине с закрытыми глазами и мне так сильно захотелось подорваться и побежать. Я, видимо, не отошёл от сна, во снах я всегда ходил, а не ездил на коляске. И тут я понимаю, что это реальность, и в ней ходить не смогу, а только ездить на долбанной, ржавой, старой коляске, и так всю жизнь. И мне стало до того тошно, до такой степени противно за своё существование, захотелось, как масло на сковородке, расплавиться прямо на кровати и впитаться в одеяло и матрас. Фу! Какое же гадкое моё существование, я почувствовал себя грязным и липким. Мне захотелось отыскать озеро, прыгнуть туда и не выплыть никогда. Страшно, невероятно страшно жить и так гадко быть собой, каждый день быть собой. Это скучно. Мне очень сильно захотелось выйти на улицу, я здесь задыхался, стены сжимали меня. «Шесть стен монотонного куба, сторожат добровольного раба».¹

Я вырвался из постели, накинул одежду, прыгнул в коляску и ринулся уже к входной двери, как вдруг вспомнил о реальном положении вещей. Инвалиды не могут сами спуститься со второго этажа. Не придумали еще в наше время такой возможности, мы не можем никак съехать на колясочке по этим ступеням. Я побежал за отцом, я знал, что он не откажет. Оторвал его от телевизора и попросил просто вывезти, просто вывезти меня на эту чертову улицу, я посижу возле лавочки у подъезда и позову его в окно. Удивительно, но за все мои двенадцать лет я так никогда не делал. Отец с недоверием на меня смотрел, кривил лицо, поднимал брови, чесал уши, презрительно обнюхивал меня. В конце концов он сдался, накинул куртку и повёз меня вниз.

– Папа, когда-нибудь я сам спущусь отсюда, вот увидишь.

– Я знаю, сынок. Это будет в недалёком будущем.

– Я слышу в твоём голосе нотки уверенности. Ты даже в этом не сомневаешься?

– Любой нормальный человек должен сомневаться во всём, что он делает.

– И всё-таки?

– Я верю в твою силу.

Он спустил меня, покурил и ушёл. Снег уже лежал на земле и на крышах домов. Он был чисто белый и это меня так забавляло. Девственный снег, нетронутый снег. Я покатил коляску дальше, белые мухи хрустели под моими колёсами, он был глубокий. Покатил себя дальше, где он лежал идеально ровным, не было ни единого следа. Я крутил колёса и с каждым разом они крутились всё тяжелее и тяжелее. Месяц назад, с большой вероятностью, я бы не смог проехать там, где уже стоял. Я любовался этим снегом. Нагнулся за щепоткой, он таял в моих руках. Поразительно, но я никогда не игрался в снежки. Сделал катышку и кинул её вперёд. Катышка покатила и стала больше. Мне это так понравилось, я расплывался в улыбке. Был такой морозный воздух и вокруг ни души. Как же прекрасно, я дул вперёд и изо рта шёл пар. Вскоре мои руки и пальцы на ногах замёрзли. Я повернул коляску вправо, чтобы поехать обратно, но она меня не слушалась. Я крутнул её сильнее, но она сдвинулась лишь на сантиметр. Недолго думая, я крутанул её еще сильнее и... упал в снег. Меня охватила паника, лицо покраснело, я пытался карабкаться по этому снегу, чтобы залезть на коляску, но руки отмёрзли и не хотели сгибаться. Я не мог достать до ручки коляски и паниковал еще силь-

¹ Группа «Поток» Песня «Шесть стен»

нее. В нескольких метрах от меня шёл взрослый мужчина с детьми, он был на таком расстоянии, что не видел меня, но если бы я крикнул, он бы заметил и, наверно, подошёл бы ко мне. Но я не крикнул, я не буду унижаться и просить о помощи. Повернулся на спину и лёг. Руки были в снегу и одежда тоже. Мне так холодно, я пытаюсь сжимать руки, но они совсем меня не слушаются. Я чувствую, как отнимается моё тело и понимаю, что это конец. Я замерзну тут до смерти. С одной стороны, смерть невероятно глупая. С другой же стороны, всё так и должно закончиться. Интересно, как там наверху? Действительно ли невозможно оттуда вернуться? Или может просто никому не хочется? Мысли о смерти забавляли меня и я поскорее хотел умереть. Действительно ли души отлетают на небо? А ад? Могу ли я попасть в ад? Жан-Поль Сартр писал, что ад – это другие. А рай тогда что? Тоже другие? А если...

– Мишаааа. Миииишаааа, где ты? Миииишаааа, сыноок? – Слышится крик отца. Я представляю, как он испугался, что его сын инвалид вышел один единственный раз без присмотра и пропал. Мне стало тошно. Откуда-то взялись силы в руках и я, как раненный зверь, из последних сил, что есть мочи, поднял своё тело руками и прополз на них, будто на ходулях. Раз-два-три и пошёл, словно на рысях. А тем временем всё доносились крики отца, они уже перешли из злого крика, в жалобный. Он кричал: «Миша-Миша-Миша», – и в его крике я слышал жалость. Жалость к себе, жалость ко мне, жалость ко всему в округе. А я всё старался, его крик давал мне силы. Я выбирался из этого капкана. Крик уже становился воем, диким воем. Он был в бешенстве, оно переплеталось с жалостью и скорбью. Я слышал, как его вопль доносился то сзади меня, то спереди, а потом сбоку. Он бегал и искал меня, а я всё пытался и пытался... и не смог. Я облокотился локтем об кресло и крикнул:

– Папа, я тут, папа. – Он мчался на мой звук, словно поезд. Он рвался к своему сыну-инвалиду, который звал его на помощь. Мне кажется, в этот момент, если бы ему кто-то помешал, он бы разорвал руками, вцепился зубами в глотку, вырвал кадык, растоптал его ногами и мчался дальше.

– Сынок-сынок, сыночка! Мой дорогой, мой любимый, – он чуть ли не плакал, – я так испугался. Как же так? Ты весь мокрый лежишь на этой земле. Ты простудишься, господи, Ангела меня убьёт.

– Папа, никому не говори. Пожалуйста. – Я шептал это только лишь губами ему на ухо. Он меня схватил, положил на плечо и нёс, а в другой руке тащил коляску.

– Но как же, что я скажу, ты весь мокрый?

– Скажи, мы в снежки игрались и заигрались. Что угодно, папа, но только не это. Я не переживу такого позора.

– Брось, сын, это не позор.

– Позор, отец, я инвалид. Папа, я не хочу так жить, почему, почему всё так складывается? Это несправедливо. Года проходят, а ничего не меняется. Я не могу! Ты слышишь? Я не могу смириться с этим, никак, папа. Не надо, пожалуйста, не надо ничего говорить. – И я заплакал, он слышал мои всхлипы, поставил коляску рядом и начал гладить меня, словно маленького ребёнка, у себя на плече. Он покачивал, как будто мне три года и шептал на ухо, что всё будет хорошо, как он меня любит, как мы вместе преодолеем все трудности.

№8 «Кто еще кроме тебя»

– Послушайте меня, – кричал я на свою семью, – мне не три года, чтобы вы заставляли сидеть дома, или копошиться под присмотром на улице. Я хочу самостоятельности.

– Сынок, не кричи так, – отзывалась мама, – Ты пока еще слишком слаб и молод, чтобы ходить одному по городу. – Я смотрел на отца и искал в нём поддержки, но он отворачивал взгляд. Был момент, когда он что-то пытался сказать, но также быстро передумал.

– Мама, не надо со мной говорить своим успокаивающим тоном. Он со мной не работает. Я сказал, что я дохну в этой квартире, в этой комнате, отпустите меня на хрен, я вам ска-а-за-а-а-ал!

– Миша, ты скажи чего конкретно хочешь? – Вступает в игру бабушка.

– Чтобы вы меня отпустили и я смог поехать, куда захочу. – Тут же бабушка хихикнула и спросила:

– И куда же?

– В... да даже в... или... Чёрт побери! Да хотя бы в магазин выйти.

– В магазин? Пожалуйста. – Она показала рукой на входную дверь. – Одевайся и иди, чего раскричался? В магазин, что недалеко от дома, можешь поехать и сам. – Я удивился и обрадовался. Собрался на улицу и меня выкатили, бабушка оставила возле подъезда и ушла.

Я осторожно покрутил колёса в сторону магазина. Обернулся на свои окна и увидел, как дёрнулась штора и мелькнул образ отца. Я крутил колёса и думал о своём, пока не доехал до магазина. Купил к чаю и возвращался обратно, как вдруг... Стояла Надя и мило улыбалась мне.

– О, Миша, привет. Давно не виделись, куда ты пропал?

– Куда я пропал? Это ты мне говоришь? – Я аж задыхался от злости.

– Да ты даже не пришла ко мне! – Я переходил на крик, но в конце он прозвучал как-то жалостно. Я сглотнул слюну и ждал её ответной реакции, но такого не ожидал. Надя рассмеялась. Я не понимал, почему она смеётся и что я сделал не так.

– Что такое? Хватит, не смейся. – Я становился очень злым. Внутри бурлила злоба, я чувствовал себя посмешищем. Неужели я недостоин её внимания? Она меня не воспринимает, как человека, как равного себе?

– Ты же номер квартиры не сказал. Я ведь не знаю где ты живёшь, глупенький. – Мне показалось это очень странным, а потом, немного погодя, мы вышли из магазина и вместе смеялись над этой ситуацией.

– Блин, ну как я так мог. А я ждал тебя и даже карточки нарисовал, чтобы научить вязать.

– Ого, вот это да! Карточки!? Ты сумасшедший! – И мы смеялись дальше. Я предложил ей поехать прогуляться.

– Слушай, а где твоя бабушка? Ты же обычно с ней.

– Я взрослый, самостоятельный человек. Я что, по-твоему, не могу поехать сам в магазин? Ну брось, это даже смешно. Бабушка занимается своими делами, а Миша своими. – Она рассказывала мне свои истории, как подтянула математику и уже съездила в санаторий. Я смотрел на неё и улыбался.

– Миша, как хорошо, что мы с тобой встретились. Я думала о тебе, выходила, искала, но ты всё не являлся. Очень жаль, Миша. – Она думает обо мне? Думала? Думает? Хочет видеть? Правда? Меня? О боже. Я покраснел, мне стало стыдно, что я такой дурак.

– Я всегда думал, что со мной никто не будет разговаривать. – Она оборвала меня.

– Почему ты так думал?

– Потому что я инвалид. Потому что ... – Она опять обрывает.

– А причем тут это? Не понимаю. Ты же можешь разговаривать, ты очень интересный. Мне легко и приятно с тобой общаться. Ты удивительный человек, с чего ты взял, что эта твоя вещь как-то помешает другим?

– Надя, понимаешь, не все так думают, как ты.

– Враньё! Миша, откуда ты можешь знать, как думают другие? Ты спрашивал у них?

– Ну... как-то не приходилось. Я просто подумал...

– Вот именно! Ты просто подумал. Ты так решил, вот и всё. А как ты будешь жить дальше, когда вырастишь? С кем ты будешь работать? С кем жить? А дети? Ты думаешь что отсутствие ног должно сломать твою жизнь? Это же не так. – Мне посетило странное чувство, я был озадачен. Я мог бы поговорить с ней о литературе, о поэзии, о многих вещах. Но тут она, положила меня, словно маленького хомячка, в коробку и вокруг тупик, тупик, тупик. Я и никогда не думал об этом так. Я всегда считал, что я изгой. Работать буду в изоляции, жить с кем-то? А зачем? Обязательно с кем-то надо жить? Мне и самому неплохо. Но с появлением Нади я понял, что иначе уже не будет. Я расту и на жизнь нужно стараться смотреть не только со своего ракурса. А слушать, смотреть, думать, учиться, как это делают другие люди. Как они относятся к жизни? Запоминать, чтобы лучше анализировать и уживаться в этом мире. Я слишком много времени провёл дома. Я перевёл всё в шутку и переменял темп разговора.

– Как твоя алгебра? Как мама? Расскажи мне что-то.

И она рассказала. Надя говорила долго и с воодушевлением. Она прекрасная.

Улыбка не сходила с моего лица и я был очень рад её слышать. Я чувствовал каждое её слово, будто бы растворялся в них. Я подымал подбородок вверх, чтобы услышать и почувствовать аромат её слов. Чтобы схватить их, аккуратно сложить и в карман, а потом перечитывать эти слова перед сном и снова улыбаться. Я хотел, чтобы в моём глазу был фотоаппарат, дабы с каждым морганием запечатлеть её улыбку, её красивые волосы, её маленький нос, её тонкие губы. Просто её. Мы разговаривали, шутили, пока наши лица не обдало морозом. Пришлось возвращаться обратно. Я чуть не забыл, но всё же в конце сказал, где живу, и мы договорились о новой встрече.

Она позвонила мне на городской и сказала, что придёт в такое-то время. Я, не теряя ни минуты, судорожно подъехал к шкафу, выбирая более менее не засаленный прикид. Погладил рубашку, натянул на себя, заехал за стол, взял комикс. Сижку, жду. Звонок, бабушка открывает, она заходит. Я зову к себе, проходит, стеснительно кланяется бабушке и садится на краю дивана. Обращает внимание на стопку моих комиксов, конструктор, поделки из пластилина. На мои рисунки карандашом и красками. Я неловко спрятал свои стихи, чтобы она не наткнулась. Мне почему-то стало стыдно, что она прочтёт и увидит там свой образ. От нее приятно пахло, руки такие нежные и белые-белые, словно слоновою костью. Моя комната ужасная. Затхлая, тёмная. Поделки никудышные, конструктор хуже некуда. Вокруг грязь, разбросанные вещи. Почему я не обратил внимание сразу? Не убрал? И тут с детским искренним восхищением, без поддельных эмоций, какие сейчас используют, непонятно для чего и для кого. Без обмана.

– Ух ты! Какой ты, какой ты, чудесный. Это ты сделал? – Она подошла к поделкам из пластилина. Внимательно рассмотрела, потом перешла к моему самолёту из конструктора. Всё так же скрупулёзно рассматривала и восхищалась. Дошла до моих рисунков. Как у тебя тут пахнет, как светло здесь. Я запаниковал и просто начал говорить. Обо всем что знаю в этой жизни. Она под села ко мне, положила правую руку на плечо, большой палец обхватил мою ключицу. Левую руку она положила мне на талию, посмотрела в глаза и сказала:

– Ты самый лучший. – И я понял, что вот она, награда. Награда за всё. Я забыл о ногах, забыл обо всем. Я смотрел на неё и испытывал такое счастье. Настоящую доброту, поддержку и словил себя на мысли. Что на самом деле, можно жить так, чтобы всегда было хорошо, приятно, уютно. Нужно следовать за этим, стараться и добиваться. А не закрываться в себе, в своём мире, всё вокруг порицать и ненавидеть. Я ведь даже не дал себе возможности в чем-то разочароваться. Я сразу стал разочарован во всем, что касается хоть чего-то в этой жизни. Надя. Ты добрый голос, который должен звучать в голове, вместо злого, странного голоса, который уже стал моей неотъемлемой частью.

Бабушка позвала нас кушать. Потом мы пили чай, она показывала мои фотографии, я стыдился. Рассказывала много историй обо мне, мы смеялись. Я чудесно провёл время среди любви. Наконец-то. Это именно то, чего мне не хватало.

№9 «Всё идёт по плану»

Мне сорок пять лет, моя жизнь уныла и безобразна. Живу я один в комнатухе коммуналки, нигде не работаю и выживаю на пенсию. Совершенно нет никаких денег и я чувствую, как тону и рассыпаюсь. Во мне нет ничего и я уже не похож на человека. Зарос, волосы длинные, уже седые. Я пахну мочой. С каждым днем я засыпаю с мыслями о суициде. Убил бы я себя по щелчку пальцев? ДА, КОНЕЧНО. Но так нельзя... Я не хочу ничего делать, совершенно ничего. Выползаю еле-еле на улицу, сижу в своей коляске, обмотанной одеялом. Внимательно смотрю на людей, как они ходят, о чем думают, фантазирую насчет их жизни. Иногда, по вечерам, пью водку, нелюдим, нелюбим.

Решил немного подшутить. Я инвалид, у меня мало развлечений, а значит, мне можно это и многое другое. Не понимаю, как можно так жить, это нужно быть не человеком, а подобием человека. Каким-то уродливым существом. У меня всё отлично, просто замечательно. В этот весенний, солнечный день мне стукнуло тринадцать лет. Это великолепно и у меня не хватает слов, чтобы выразить свою радость. Я считал эти дни, отсчитывал от месяца и каждый вечер радовался, что уже на день меньше. Я весь свечусь от радости, улыбка натянута до самых ушей. Мама постучала в дверь и легонько толкнула её рукой. Но в дверь вошла не только она, а все. Бабушка, мама, папа, дедушка, его жена и моя вторая бабушка. Все стояли и улыбались. Смотрели на меня и каждый как будто пытался что-то сказать, но его опережал другой и в итоге все стояли и молча смотрели на меня. И я тоже замер. Тишину прервала мама.

– Привет, дорогой именинник. Мы все поздравляем тебя с днём рождения, желаем тебе расти большим...

– Сына, и по жизни быть кремнем. – Перебивает папа и показывает кулак.

– Витя, до тебя очередь тоже дойдёт. В общем, сынок, мы все скинулись и оплатили тебе первый курс лечения. Собирайся, мы втроём едем в столицу делать тебе первую операцию. – В голове ураган мыслей, эмоций. Появился страх, радость, какое-то возбуждение. Я закричал, Я заплакал. Мама подошла ко мне, прижала мою голову к животу, опустила свою голову, притихла. Дедушек с бабушками растолкнул отец и залез в комнату. Он устроился у кровати напротив меня с мамой и продолжил:

– Миша, мы все копили, чтобы подарить тебе будущее без коляски. – Мама отошла от меня. Я в свою очередь бросился ко всем, метался от одного к другому, всё благодарил их, много улыбался и смеялся. Я был счастлив, моя мечта начинает сбываться. Но позже отец оборвал моё счастье. Он объяснил, что операция только одна, а их нужно три. На вторую они смогут собрать только через несколько лет. Я очень сильно расстроился. Но потом в голове прикинул, что операция – это лучше, чем ничего. Это вселило в меня надежду и отвлекло от дурных мыслей.

Я лежу на холодном операционном столе. Мою одежду сняли и одели в больничную. Вокруг ходят люди в белых халатах, о чем-то шумно говорят, кто-то глупо шутит. Я в оцепенении. Мои руки трясутся, если бы ноги работали, то и они бы трусились. В тоже время в голове появилась другая мысль. Какая же величественная наука. Какие молодцы те люди, что делали открытия в области медицины. Это великолепно. Вот так по крупницам передавать знания и учения, и медленными, но уверенными шагами прийти к цели. Вот так научиться лечить болезни, спасать человеческие жизни. Это прекрасно. Прекрасные мои люди. Чувство великолепия, какой-то яркой гордости и благодарности загорелось во мне. Я понял: Я сделаю всё, чтобы помочь всем. Особенно моим родителям, они такие молодцы...

- Мальчик, как тебя звать?
- Миша.
- Считай до десяти.
- Раз, два, три, четыре...
- Вслух, Миша.
- Раз, два, три...

Мне делают операцию. Пока медики делают свою работу, я сделаю свою. Расскажу вам о своих родителях. Их первая встреча началась в больнице. Так совпало, что и маме, и папе нужно было пройти медосмотр. Учитывая, что они находились в разных сферах деятельности, оказались в одной больнице и на приёме у одного врача. Очередь длинная, а в аудитории пахло грязью человеческого тела. Все хотели поскорее пройти и вернуться к своим делам, но очередь стояла на месте. Это длилось вечно, кто-то кричал, кто-то уходил, но, в целом, ничего не менялось. Как вдруг послышались крики из кабинета. Мой отец обронил стерильные инструменты и всё посыпалось на пол. Уставший врач совершенно обезумел и попёр на отца всей своей мощью усталого человека. Все те врачебные проблемы, беды, недосыпы, ссоры с женой, болезни детей, внезапно подкравшаяся импотенция. Всё вместе собралось в мешок и ударило по голове моему отцу. Бил врач, морально бил врач мешком по голове и вот-вот, как будто, собирался физически, Казалось сейчас врач возьмёт скальпель и вставит в горло моему отцу. Папа уменьшился в размерах, скрючился и утих. Оскорбления врача были такой мощи, что часть людей собралась в дверях, чтобы посмотреть на это зрелище. Не выдержала моя мать и ввалилась в помещение. Она сама удивилась, что не смогла сдержать свои эмоции и её лицо сделалось растерянным. Это на неё совершенно не похоже. Однако мама собралась и наступала на врача так, что тот тоже растерялся, покраснел, но в итоге собрался, выгнал всех вон и окончил прием. Пациенты тем временем всю свою злость вложили в маму. Эти оружие, грязные, необразованные орки. На улице все люди, как люди. Но когда они собираются в больничных очередях. Все, будто бы, теряют человеческий облик и превращаются в орков. Ей хватило пылких речей в кабинете врача и она не справилась с давлением толпы и постаралась быстрым шагом удалиться. Расстроенный отец так же собирался выходить и всё время тараторил на неё. Прошло два месяца, эта ситуация практически забылась и моя мама сходила с подружкой в кафе, где сидел мой отец в компании двух барышень. Ситуация вышла довольно странная. Его приятель пришёл со своей дамой, но они поссорились и она, вместе со своей подругой, прилипли к отцу. Анекдоты и афоризмы отлетали от зубов. Он сам поразился своему остроумию в тот день. Всё бы ничего, но он узнал мою маму за соседним столиком, она тоже его приглядела. Присутствие двух дам вовсе не мешало моему отцу не спускать глаз именно с неё. К концу вечера мама удалилась, папа это предугадал и они оба, почти в одно время вышли на улицу. Однако отец немного не рассчитал и не успел забрать сдачу. Видимо, увидеть маму хотелось сильнее. Впрочем, несмотря на это, он нарочно ударил её плечом. Якобы случайно, но мог и пропустить. Ударил он из-за злости на себя. Из-за своей робости, что не смог подойти тогда, да и не может сейчас. Хоть и пьяный, но по каким-то причинам не может. Она не обиделась, но ей стало немного грустно за него. Прошло еще две недели, отцу нужно было ехать в область, как и матери. Эта самая удачная встреча. Автобус отправлялся рано утром, папа не выспался и плюхнулся на самое дальнее сидение у окна. Его вырубил сразу и лишь к концу пути он проснулся. Угадайте, на чьем плече? После этого они уже не могли игнорировать друг друга. Судьба или что-то такое сверху свело их. Поначалу всё было как в фильмах и бульварных романчиках. А через несколько лет, еле-еле с божьей помощью, родился я: сын-инвалид. Мне нечего больше дополнить. Остаётся ждать конца операции и надеяться, что всё будет хорошо. Хоть когда-то это хорошо должно наступить. Хотя бы на миг. Знаете в чем проблема хорошего? Оно не стучится в дверь, не садится на колени, не гладит по волосам.

Понимаете? Хорошее не звонит, не сообщает о своём приходе. Хорошее пришло, посидело и ушло. И когда оно уходит, вот тогда мы понимаем, что хорошее у нас уже было. Хорошее не пишет прощальных записок. Оно тихо уходит, не запирая дверь, тем самым упрощая путь плохому. С ним же всё проще. Оно нахуй выбивает дверь ногой, просто забегают в дом, хватает любое, что под руку попадётся, и бьёт, бьёт, бьёт, бьёт по голове. И так, бывает, забывает, что не встанешь потом, не оправиться. Не пожалуешься хорошему, не вытрешь слезы, глядя на себя в зеркало. Плохое убивает всё: и тебя, и меня, и зеркало.

№10 «Лежу я, голый как сокол»

В темном месте, в коротеньких шортах, я падаю в лужу. Лужа холодная, острая, словно шипы. Вокруг меня промелькнул тонкий свет от фонаря и я вижу – это осень в лесу. Нарисовать на полотне и любоваться, но я внутри этой картины стою коленями в луже и не могу подняться. Промозглая, сырая, чужая осень. Осень нужна, она как олицетворение безысходности, она как депрессия со всеми своими плюсами. Осень – это та часть жизни, после которой ценишь лето. Это не зима со своими морозами и снегами. Ты знаешь, с чем тебе бороться, одеваешься в чугунные латы и бьёшь с сокрушительной силой. Зима всегда проигрывает, но не осень. Она в тонкой, оранжевой, порванной маечке. У неё такие длинные каштановые волосы и милая улыбка. Осень красивая, милая девочка, с ножом в руке. Осень, словно бритвенный станок, я боюсь осень, она всегда режет меня. Осень перестала со мной играть, перестала смотреть в глаза и улыбаться. Теперь я в её объятиях, сегодня я впился коленями в землю и она всасывает меня. Промозглая забирает меня к себе, в себя и навсегда. Я не буду бороться, не буду бояться. Я устал, забирай меня.

Я проснулся от дикой головной боли. Мне хочется кричать, но я не могу издать ни звука. Пытаюсь дёрнуться, но не получается, не выходит. Кто-то стянул меня чем-то непонятным. Всюду темнота, я, наверное, один в палате, ибо не слышу ничьё сопение. Разрываюсь от боли, суставы выкручиваются, я руками сжимаю простынь под собой пытаюсь что-то сделать, но ничего не получается. Покрылся весь потом, прядь мокрых волос падает на нос и щекочет его. У меня прорезается голос и я начинаю кричать. Я ору на всю палату: АААААААААААА!!!!!! АААААААААА!!!!!! АААААААААА!!!! Никто не приходит, я будто в аду. Тут так жарко и душно, мне нечем дышать, задыхаюсь, я сейчас умру. Голова разрывается, никто не приходит на помощь. Меня, инвалида, связали. Не могу пошевелиться, и эта ужасная боль! За дверью загорелся свет, и я вижу шаги в щелочку. Я кричу снова, но будто бы никто меня не слышит. Я лежу на кровати, смотрю на потолок, и на глаза наворачиваются слёзы. Слёзы бессилия, слезы безысходности, слезы ненависти.

Я снова проснулся, опять в своей палате. Весь мокрый и с головой, которая уж очень сильно болит. Кто-то стучит в дверь и тут же входит. Это седой врач низкого роста. Он здоровается, смотрит в папку, называет меня по имени, подсовывает стул и садится рядом. Он улыбается мне и весь такой приветлив.

– Почему вы меня привязали? Почему у меня голова разрывается от боли? Что происходит?

– Тише-тише, давай по порядку. Привязан, потому что так нужно. Почему голова болит, точно сказать не могу, такие вот последствия операции.

– Кто вы такой? Вы мой врач?

– Да, – он смотрит в папку, – Миша, я твой врач.

– Скажите, что происходит? Всё так быстро произошло, только недавно я был в своей кровати, а сегодня в этой палате и связанный.

– Всё просто. Твои родители оплатили операцию. Ну ты ведь сам понимаешь, какого рода операция?

– Я смогу ходить?

– Я не могу ответить тебе на этот вопрос. Понимаешь ... – он смотрит в папку, – Миша, всё не так просто. Мы сделали тебе операцию, но как всё обернётся – неизвестно и тут нужно только ждать и наблюдать за тобой и твоим организмом.

– Но почему я связан?

– Твои позвонки плохо функционируют, точнее они функционируют, но ниже спины они атрофированы. Нижние позвонки, копчик и таз. Это то, что позволяет человеку передвигаться, но в твоём случае они бесполезны из-за позвоночников, которые не функционируют.

– Но я не понимаю...

– Подожди дружок, я не закончил. Видишь ли,...

– Миша.

– Да, видишь ли, Миша, позвонки нужно, как бы даже так тебе объяснить... В общем, их нужно реанимировать, понимаешь? Пока ты еще развиваешься, пока твоё тело растёт. В позвонки вставляются шесть, скажем так, зажимов. Каждый из зажимов должен прижиться в твоё тело, дабы как-то оживить позвонки. В зажимах находится лекарственная форма, которая дозируется через аппарат и попадает тебе в костный мозг. Таким образом, если все шесть приживаются, то ты с большой вероятностью сможешь ходить.

– Но есть одно «но»? – Он посмотрел удивлённо сквозь очки. – Какое «но»?

– Мне ведь не пять лет. Я знаю, что везде есть «но».

– Да, действительно... есть одно но. Дело в том, что зажимы могут не прижиться, ни один из них. И нужна будет новая операция.

– Всё понятно. Операция эта дорогостоящая, как и всё в процветающем капитализме, и шанс, что они приживутся, очень маленький.

– Ну... молодой человек, не стоит быть таким пессимистичным.

– Я не пессимистичен, я реалист. К тому же, мне кажется, оптимизм это проявление слабости.

– Хм, интересная мысль. А что тогда проявление силы?

– Всё. Всё что не проявление слабости это проявление силы. Жизнь так устроена, что расслабляться нельзя. Вообще никогда, даже когда расслабляешься на диванчике перед телевизором. Нужно держать себя в тонусе. – Он захотел встать и как будто уйти. Видно, что он меня не слушал. Но я настоял, повысив тон. – Идти вперёд, когда другие не смогли. Идти вперёд, когда не хочется и когда уже некуда. Идти вперёд всем чертям на зло, себе на погибель. Не думать, когда надо было бы подумать и струсить. Делать, что можешь, что должен. Что хочешь. Заставлять себя там, где дурочки из сказки не смогли, спрятались и убежали. Показать всем свою силу, если надо поставить всех на колени. Пусть – Тут я разошёлся еще сильнее, загорелся огонь в глазах. Я такого в себе никогда не замечал. Я начал разговаривать с кем-то более менее умным, кто не является моим родственником, кто не моя бабушка. У меня внутри всё накипело, я даже стал себя бояться. Я когда разошёлся, он изменился в лице. Мне кажется, он даже подумал, что я сейчас прыгну на ноги и буду плясать перед ним. Я покраснел, прядь волос прилипла к вспотевшему лбу. Я объяснял ему на словах все, что едва-едва укладывал в голове. Я почувствовал какую-то силу, которой мне не хватало. Я жжжжег напалмом. Он был потрясён.

– Тише-тише, Миша, Михаил. Всё – всё, я тебя понял. Я... – У него пропал дар речи. Он затих. Встал с кровати, подошёл к окну, смотрел на листья, на пасмурную погоду. Мне кажется, он тогда почувствовал себя как-то иначе. Он стал грустным, о чем-то задумался. О тех вещах, которые не проникали в его голову просто так. Он от них отворачивался, уходил, защищался. А тут я, я сошёл с ума и мысли разорвали голову и вышли наружу песней. Он мне говорит: – Понимаешь, эм...

– Миша.

– Да, Миша. У меня мало времени, на чем мы там остановились? – Сделал вид, как будто этого не было. Не было моей слабости перед ним, его слабости перед самим собой. Он отошёл от окна и вернулся ко мне. Но еще когда стоял там, что-то хотел сказать, после тяжелой мысли, когда повернулся и посмотрел на меня. Губы соединились в трубочку, но расплылись. Как будто ничего и не было.

– Одно «но» и я пессимистичный, но на самом деле реалист.
– Да, верно. К слову, вы всё правильно подметили, молодой человек. Зажимы могут не прижиться.

– Я всё понял.

– Ну не стоит так расстраиваться.

– Стоит! Что я могу сделать, чтобы они прижились?

– Правильное питание, режим сна и, в целом, здоровый образ жизни. Витамины для укрепления суставов, отсутствие травм и всё в этом духе. Ну и, конечно, постоянное обследование, и слушать лечащего врача.

– Почему я стянут этими полотенцами или что это?

– Это вынужденная мера, чтобы зажимы не сошли с места. Не ёрзать спиной, не делать резких движений и прочее.

– Резкие движения у инвалида?

– Ну что ж ты так, Миша. Инвалиды и не на такое способны.

– Я всегда буду ходить с железками в спине?

– Возможно да, а возможно и нет. – Потом он запнулся и задумался, – а возможно ты и вовсе не будешь ходить.

Стук в дверь. Она открывается и заходят мои родители. Они бросаются к кровати, потом смотрят на врача. Поворачивают голову в мою сторону, потом опять в его. Врач встаёт и проходит к двери. Мама его окликает, но он, не оборачиваясь, просит зайти к нему и удаляется, аккуратно прикрыв дверь.

– Миша, Мишенька, дорогой мой. Как ты себя чувствуешь?

– Мама, у меня очень болит голова, мне так плохо.

– Ну ничего, дорогой мой, это пройдёт.

– Нет, мам, мне очень плохо. Сделай что-нибудь с этим, пожалуйста. Сделай что-то с этим всем!

– Не кричи, сынок. Мама сейчас сходит за медсестрой. – Всё так и происходит, она выходит из палаты, а отец подсаживается на место врача.

– Ну что ты, рассказывай. Как самочувствие?

– Хуёвое, папа. – Он мне задал какие-то банальные вопросы, я бездумно дал банальные ответы.

Входит мама с медсестрой. Она спрашивает, где болит, как болит. Вытаскивает из кармана своего халата какую-то таблетку. Наливает в стакан воду и протягивает мне, я пытаюсь приподняться, но она крикнула на меня, чтобы я лежал и не двигался. Медсестра вкинула в мою глотку таблетку, залила водой и ушла. Мы остались наедине.

– Мама, папа, я никогда этого не забуду. Даже если ничего не получится, я всегда буду помнить и ценить вашу доброту. Вы прекрасные родители и я вас очень люблю. – У мамы от моих слов выступают слезы. Отец опустил голову и потирает нос, якобы он чешет, но я то знаю. Впрочем я сам немного всплакнул от такого напора сентиментальности.

– Можно еще просьбу? Я тут пролежу ведь не один день и, наверное, не одну неделю. Можно ко мне привезти Надю?

– Надю!?! – Удивлённо интересуется отец.

– Надюююшааа, заходи. – Кричит мама и в палату входит Надя. Вся такая сияющая. Она подбегает к моей кровати, садится рядышком. Родители выходят, чтобы оставить нас наедине.

Она сидит на краю кровати возле моих ног, смотрит и молчит, я тоже молчу. Мои губы пересохли, я жадно пытаюсь хватать воздух, но получается странно.

– Привет, как дела?

– Привет. Дела? Как дела? Да, ты знаешь, ну так. Вот, это, как его. Слушай, воды дай, ладно? Вот там мама в пакете принесла.

– Воды? Да-да конечно, сейчас. Вот, держи. – Она протягивает воду и держит её напротив моего лица.

– Спасибо тебе, конечно, но я связан и не могу шевелиться.

– Ах, да, точно. – Надя краснеет. Неловко откручивает бутылку, крышка падает под кровать. Она суёт воду, но очень неумело. Тем самым обливает мой рот, подушку и одеяло. Я всё же схватил несколько капель и с наслаждением проглотил. Прокашлявшись, поблагодарил за воду.

– Извини. Я такая неряшливая...

– Да нет, что ты, не извиняйся.

– Нет, прости, я должна была помочь тебе, но только сделала хуже. Сейчас крышку подниму.

– Да не надо, воды всё равно уже почти нет. Расскажи лучше, как ты тут оказалась.

– Я не знаю, как это произошло и каким образом меня отпустили родители, но...

– Ты конкретно скажи, как так получилось, что ты приехала? Ты приехала с родителями или как?

– Не-е-т, ты чего. Я с твоими приехала. Они приятные люди, мне понравилось.

– Скажи, а как так получилось?

– Я думала о тебе, скучала и решила сходить в гости. Стучалась в дверь, но никто не открыл. Тогда я пошла домой и написала записку. Бумажку вложила в дверь и ушла. Вечером к нам пришла твоя мама, а потом моя мама рассказала мне о тебе, и я захотела поехать. Она позвонила твоей маме, они договорились и, в итоге, она разрешила поехать с твоими родителями. Вот, как-то так.

– Поразительно. Это так поразительно.

– Что именно?

– Ну то, что я не заслуживаю такого к себе отношения, вы слишком хорошие ко мне все. Я такой брюзга, слишком вот такой весь из себя, а вы, несмотря на это такие вот все положительные. – Мне всегда казалось и я чувствовал от этого большое раздражение. Что все они имеют дело не со мной, а с хорошим, милым мальчиком Мишей. Который на самом деле не хороший, и не милый. А другой. Просто совершенно другой человек и никто этого не знал, потому что никому этого не надо было. Потому что и ситуаций не было таких, чтобы и они, и я, мы все поняли кто я такой и из какого теста состою.

– Брось это. Ты хороший, ты очень хороший мальчик и я надеюсь, что у тебя всё будет хорошо. Я очень этого хочу.

– Ты так добра ко мне, я даже не знаю благодарить ли или нет.

– За это не благодарят, принимай как должное, но не забывай ценить и помнить.

– Смешно звучит. Спасибо тебе, Надя.

– Да, кстати, Миша. У меня же для тебя подарок есть.

– Класс! Показывай скорее.

– Я не просто просила у тебя те карточки, которые ты для меня делал, а попробовала связать тебе носки, смотри. – И тут что-то со мной произошло.

– Носки!? Ты насмехаешься надо мной или что!? Какие носки!? Может быть встать их сейчас и надеть!?

– Нет, что ты сразу кричишь так. Я же хотела как лучше, чтобы ты не мёрз.

– АААААА!! Чтобы не мёёрз значит, да? Может быть, мне еще пробежаться? А??

– Пожалуйста, не кричи, ты меня пугаешь, я не хотела тебя обидеть.

Несмотря на это, Надя не ушла. Она осталась сидеть на этом же месте, я очень сильно разозлился, но на мою злость не было должной реакции. Никто не кричал, не спорил со мной. Она вела себя спокойно и по милому, как-то по-доброму хорошо, и я смог успокоиться.

– Я совсем не понимаю, что со мной происходит. Извини, может это из-за операции или каких-то таблеток.

– Да-да, это из-за них всё, я уверена. Ты очень хороший, но сейчас такое положение. Ты должен понимать, что это всё пройдёт. Ты очень сильный человек. Как-то энергетически крепкий и никогда не сдаёшься. Это будто бы манит меня к тебе. – Она под села еще ближе, положила руку мне на лоб и смотрела в глаза.

– Я рада, что с тобой знакома. Ты помогаешь мне верить в себя, всеми этими вещами, как ты борешься с этой жизнью.

– Спасибо тебе Надя, но я не понимаю, о чем ты говоришь. Я ничего такого не делаю.

– Делаешь, ты просто воспринимаешь это как должное, потому что ты такой человек. Любой другой на твоём месте упал бы, свернулся калачиком и пролежал так до смерти. Сгнил бы в своём коконе, но не ты. Ты другой.

– Извините, дети, что вас перебиваю. Но сейчас к Мише придёт медсестра и ему нужно делать укол. Надежда, пойдём-ка.

– Пока, Миша. Мне было приятно тебя видеть, увидимся, когда ты вернёшься обратно.

– Пока, Надя. Носки только оставь и извини меня. Мам, и тебе пока. Спасибо вам, что приехали.

– Я еще приду, дорогой. – Сказала мама, закрыв дверь с обратной стороны. Их шаги отдалялись от моей палаты, а внутри душа вновь мокрела, сжималась в размерах и давила на глаза всей своей тяжестью.

№11 «Никого не жалко»

Мои родители собрались в кабинете моего лечащего врача. Отец сидел в кресле, а мама из-за нервов не могла присесть, крутила в руках ручку, а глаза её бегали в разные стороны.

– Дорогие мои, придётся огорчить вас. – Мама после этой фразы чуть с ног не свалилась. В кабинете была атмосфера тотальной угнетённости. В такой атмосфере люди выбрасывались из окон.

– Говорите, доктор, не нужно этих мхатовских пауз. – Отвечал отец. – Мы со всем справимся, всё самое необходимое, пожалуйста, прямо в лоб без сглаживания углов.

– Сглаживания углов – это Вы хорошо сказали. Хорошо, пускай будет без сглаживаний. Операция прошла неудачно...

– Как это неудачно!? Ка-а-а-к это неудачно!?? Мы такие деньги Вам заплатили, а вы нам тут говорите, что неудачно?? – Моя мама уже была на взводе, она кричала. Доктор налил ей стакан воды и протянул, но она отвернулась от него.

– Вы не дали мне закончить. Мы ничего не повредили мальчику, но это новая методика. Вы ведь всё слышали про риск, верно? Вас не заставляли и предупреждали. Ему хуже не будет, но лучше ли? Не знаю, это под большим вопросом. Мы не ожидали такого плохого результата. Вы должны привести мальчика через полгода на осмотр и тогда уже будем говорить более конкретно.

– Скажите, доктор, что можно сейчас сделать, чтобы был какой-то результат? Мне кажется, мой сын на исходе, если сейчас не будет никаких улучшений, то он навсегда раскиснет, обмякнет и замкнётся насовсем. – Пытался какой-то ясности добиться мой отец.

– К сожалению, нам остаётся только ждать. Вы конечно можете его поводить на различные мануальные терапии, но, как по мне, это будет пустой тратой времени. Вы говорили, мальчик там что-то поднимает и делает какие-то упражнения? Вот их и достаточно. Более ничем помочь не могу, извините. – Он снял свои позолоченные, а, возможно, и полностью золотые очки. Положил на стопку книг и отошёл в сторону. Моя мама не собиралась уходить.

– Послушай, у тебя дети вообще есть?

– Вы мне не тыкайте, пожалуйста. Какое это имеет отношение? – Отец подорвался во весь свой рост и горло грозно выкрикнул:

– Отвечай на вопрос, который задаёт тебе моя жена!

– Господа, если вы продолжите диалог в таком тоне, то...

– Я у тебя спрашиваю русским языком и отвечай на вопрос прямо. Дети есть?

– Ну, допустим, есть, дальше что?

– Чтобы ты сделал, если бы твой сын, инвалид, лежал в палате после операции, на которую собирали год всей семьей, а какой-то докторишка тебе говорил, что деньги насмарку? А? А блять?

– Послушайте, мадам, никто не говорит, что операция была пустой тратой денег. – Как только врач договорил, отец подбежал к нему прям впритык.

– Ты нам что только что талдычил? Что операция неудачна, а теперь, сука, переобуваешься?

– Так, стоп. Вы меня не так поняли. Я только из уважения к вашей проблеме держу себя в руках и вас к этому призываю. – Врач снова надел очки, в этот раз сел в своё кресло. Мои родители отошли на несколько шагов назад и пристально на него смотрели. В их глазах горела злоба.

– Внимательно послушайте и не перебивайте. Да, мальчик после этой операции не побежит, но это не последняя операция в его жизни. Я понимаю, что деньги большие, но эта методика будет совершенствоваться и впоследствии дешеветь. Я предлагал вам подождать, но вы

отказались. И я не ясновидящий, наша система подразумевает изменения позвоночника, изменения его функционирования, понимаете? Как его организм будет принимать лекарство, мы не знаем, если не будет отторжения новых тканей, то есть еще шанс, но сейчас говорить рано. – Он снова поднялся и подошёл к моим родителям. Он смотрел спокойно, его дыхание было ровным, несмотря на то, как он быстро и четко произносил слова. Складывалось впечатление, что это всё в фильме. Актёр будто бы произносит свою отточенную речь.

– Касательно моих детей. У меня мальчик и девочка, с сыном всё хорошо, а вот с дочерью моей случилось большое несчастье. Она залезла на дерево и упала на асфальт. Тяжелая травма позвоночника. Сколько сил потрачено, чтобы она восстановилась. Я возил её по лучшим врачам, мы покупали самые дорогие препараты. Через четыре года длительных тренировок она смогла почти полностью восстановиться. Так что не нужно меня упрекать в моём малодушии, в отсутствии сочувствия и прочего. Моя профессия не позволяет пропускать через себя каждое горе, однако я понимаю вашу боль и не хочу меряться горем. Оно, как любовь, не имеет размера. Горе или есть, или его нет. А теперь покиньте мой кабинет. Я не хочу, чтобы это всё продолжалось дальше. Мой вам совет, настройте ребёнка эмоционально на положительные изменения и, быть может, что-то произойдёт. На этом всё. Так они и сделали, так всё и закончилось. Как обычно, никак.

Целую неделю я провалялся в той больнице. Надя с мамой уехали через два дня, а я лежал и плевал в потолок. Буквально кроме потолка я ничего не видел. Читать я не мог, потому что был привязан. В палате был один и кроме тотального одиночества ничего не окружало меня. Медсестры у меня долго не задерживались. Я спасался своими мыслями. В голове разыгрывал сценки различных диалогов со своими окружающими. Думал, как надо сказать, а что бы они ответили. Весь мой мир в тот момент был в моей голове. Порой становилось настолько интересно, что я аж хихикал от радости. Все время мозг работал без остановки. Я нагружал его всем, чем можно. Только чтобы время хоть чуточку шло быстрее. Чувствовал себя запертым зеком в одиночной камере. Когда я наконец-то был выписан, то отец привёз меня домой и дальнейшая жизнь ни на йоту не изменилась. Всё было так же обыденно, однако я делал всё, что велел врач. Правильно питался, занимался, исправил режим сна. Всё только для выздоровления. Так прошло всего половина месяца, как я услышал ругань за стеной. Мама с папой кричали друг на друга.

– Такие бабки коту под сраку!

– Витя, не кричи ты так.

– Да как можно не кричать, если вокруг такая хуйня! Каждый день просыпаешься с мыслью, что всё можно изменить и нужно только чуть-чуть и вот будет хоть как-то лучше. И что я вижу? Становится только хуже, всё вокруг обрастает дерьмом. Я хочу себе сына. Нормального сына, который бы со мной бегал, катался на велосипеде, ходил в спортзал. Да что угодно!

– Он же всё может услышать.

– Да плевать, пусть слышит. Наташа, мне надоело и я устал. Мы так надеялись на этот шанс и что в итоге? Это чмо очкастое так нам прямо и сказало, что мы обосрались с этой операцией. Надо было ему в рожу треснуть!

– Витя! Хватит! Перестань так себя вести. Я же не железная.

– Одно и то же, одно и то же и нет этому конца и края. Как мы ему в глаза будем смотреть? Прости, сынок, мы обосрались? А кто нас кормить будет на старости лет?

– Дорогой, милый мой, тише, пожалуйста. Давай присядем и не будем кричать. Мне так больно от всего этого.

– Я знаю, Анжелочка, я всё знаю. Я уже не знаю, каким богам молиться, лишь бы он пошёл и был счастлив, а там уже и мы с тобой.

Ну вот! Всё прояснилось. Я никогда не начну ходить и всю жизнь проведу в коляске. Конец всем надеждам, это конец всему. Эта убогая, унылая жизнь. Каждый день ощущать себя неполноценным. Не таким, как все. Смотреть, как бегают и радуются эти люди. Это так сложно и больно для меня! Обидно, что я ничем не заслужил это. Умереть – единственный верный вариант. Вернуть эту несчастную душу в котёл вечности, но жаль родителей. Естественно, никаких витаминов я не принимал, здоровый образ жизни не поддерживал. Более того, я перестал в принципе с кем-либо общаться. Только короткие ответы «да» и «нет» и больше ничего. Никаких гантелей и упражнений. Ничто не имеет смысла. Я впал в меланхолическое состояние, в которое никого не пускал. Я начинал сдаваться. И чувствовал, что более нет сил вырваться с этого состояния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.